



HARLEQUIN®

new york times
bestselling author



Розмари Роджерс СВЯЗАННЫЕ ЛЮБОВЬЮ



Когда страсти накаляются, а опасность
неминуемо растёт, двое героев, запутавшиеся
в паутине лжи и предательства, предстают
перед судьбоносным выбором, который
сделает за них любовь!

Номинация на премию Romantic Times Award
в категории «Лучший регентский роман»

Розмари Роджерс
Связанные любовью
Серия «Маскарад – Harlequin»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3001175

Связанные любовью: ЗАО Издательство Центр полиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-03150-1

Аннотация

Софья, внебрачная дочь русского царя Александра Павловича и его фаворитки княгини Марии, приезжает в Англию, в поместье герцога Стефана Хантли, с секретным поручением. Она должна найти и выкрасть письма, которые в юности Мария отправляла своей подруге, ныне покойной матери Стефана. Те давние откровения могут теперь обернуться политическим скандалом. Девушке претит ее неблагоприятная роль, но она должна выполнить задание. Очарованный безупречной красотой нежданной гостьи, заинтригованный окружающей ее атмосферой тайны, Стефан страстно влюблен, но понимает, что и он, и Софья увязли в паутине двуличия и лжи. И когда девушка при странных обстоятельствах исчезает, он оказался перед дилеммой – броситься на помощь или забыть. Сделать выбор поможет только любовь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Розмари Роджерс

Связанные любовью

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

1821, Санкт-Петербург

Дом княгини Марии рядом с Невским проспектом не претендовал на звание самого большого во всем квартале, но определенно считался самым роскошным.

Фасад его, в полном соответствии с канонами красоты, отличался строгими классическими линиями, выстроенными в ряд окнами и широкой, дополненной колоннами террасой. Греческие статуи на крыше взирали вниз через верхнюю балюстраду с холодным выражением надменного превосходства. Вполне, впрочем, возможно, они всего лишь демонстрировали свое неодобрение в отношении окружавших особняк садов. В вольном изобилии цветов, кустарников и мраморных фонтанов, столь обожаемых русской аристократией, не было и намека на классику.

Внутреннее убранство дома не уступало внешнему виду в элегантности. В отделке просторных комнат с высокими потолками преобладали золотистый, алый и темно-синий цвета. В долгие унылые месяцы зимы густые, насыщенные краски создавали ощущение тепла.

В мебели атласного и вишневого дерева, мило контрастировавшей с темными, мрачными картинами фламандских мастеров, угадывался вкус скорее французский, чем русский, что более отвечало нынешним предпочтениям княгини. Местного колорита интерьеру добавляли разве что инкрустированные драгоценностями аксессуары да расставленные беспорядочно нефритовые статуэтки.

Но подлинным украшением особняка, предметом гордости и славы был открывающийся из его окон вид.

Отсюда вы могли любоваться церквями с сияющими золотыми куполами и богатыми дворцами. Потрясающая панорама позволяла по достоинству оценить красоту города, избегав соприкосновения с напряженным пульсом, отчетливо ощущаемым на его улицах.

Впрочем, у двадцатидвухлетней Софьи, проводшей в этом доме всю свою жизнь, знакомый пейзаж восторга уже не вызывал; куда больше ее порадовал вливавшийся в окно спальни теплый весенний свет.

Усевшись перед зеркалом, она предала себя в руки служанки, которая сначала расчесала длинные золотистые волосы, а потом собрала их в замысловатый узел на макушке, оставив по выющейся прядке у висков. Столь строгий стиль давал возможность в полной мере оценить идеальный овал лица с чистейшей алебастровой кожей и пронзительными голубыми глазами под тяжелыми, густыми ресницами.

Не унаследовав знойной, чувственной красоты матери, Софья бесспорно считалась милой прелестницей и, что немаловажно, имела очевидное сходство со своим отцом.

Последнее обстоятельство выглядело довольно странно, учитывая, что фактически она была незаконнорожденной.

Да, муж матери охотно признавал Софью своей дочерью, так как ко времени ее рождения уже состоял в браке с ее матерью. Мало кто в России и, возможно, за пределами страны

не знал о бурном романе Марии с императором Александром Павловичем, завершившемся поспешным браком Марии с графом. Мало для кого оставался секретом и тот факт, что влиятельный царедворец граф внезапно разбогател и использовал полученные средства для приведения в порядок имения под Москвой, из которого почти не выбирался, тогда как его жена получила во владение пышный особняк и содержание, вполне достаточное для безбедной жизни.

Это был один из тех секретов, о которых знают и молчат все. Время от времени Александр Павлович приглашал Софью к себе, но в целом в ее жизни оставался скорее сторонним благодетелем, чем полноправным родителем.

Да разве мало и одного родителя, с грустью подумала молодая женщина, когда в комнату стремительно вошла ее мать. Под серебристым атласным халатом угадывались роскошные формы, плечи укрывала газовая накидка вишневого цвета, серебристые ленточки перехватывали темные блестящие волосы.

Бьющая в глаза красота как нельзя лучше соответствовала ее импульсивному характеру. Взгляд скользнул по голубому с кремовым дамасту, коим, по настоянию Софьи, отделали спальню, и красивое лицо ее матери исказила гримаска недовольства.

Мария не понимала тяги дочери к простоте и скромности.

– Матушка. – Софья посмотрела на мать настороженно и удивленно. Две эти женщины питали друг к другу самые теплые и нежные чувства, но старшая отличалась твердой волей и в стремлении к цели безжалостно устраняла все, что вставало на пути. Дочь не стала бы исключением. – Что вы здесь делаете?

– Софи, мне нужно поговорить с тобой наедине, – заявила Мария.

Пухленькая служанка послушно склонила голову, успев тайком подмигнуть Софье.

– Конечно, госпожа.

Служанка вышла. Подождав, пока дверь за ней закроется, Софья поднялась со стула и расправила плечи. Разговор мог повернуть в любую сторону, и, имея дело с княгиней, следовало быть готовой ко всему. Впрочем, отступать перед материнским напором она не собиралась.

– Что-то случилось? – напрямик спросила Софья.

Странно, но, оставшись наедине с дочерью, Мария вовсе не спешила перейти к сути вопроса. Пройдя по комнате, она остановилась у широкой кровати под белоснежным балдахином.

– Разве я не могу просто поговорить с собственной дочерью?

– По-моему, такое желание просыпается у вас нечасто, – пробормотала Софья. – И определено не в столь ранний час.

Мария усмехнулась.

– Скажи-ка, моя дорогая, ты упрекаешь меня за лень и праздность или за недостаток материнского внимания?

– Я вовсе не упрекаю вас, матушка, а всего лишь пытаюсь найти объяснение столь неожиданному визиту.

– Мой бог! – Мария подняла лежащее на постели светло-желтое муслиновое платье и пробежалась взглядом по двойному ряду гранатов, которыми был обшит неглубокий вырез. – Жаль, что ты не захотела воспользоваться услугами моей модистки. В таком наряде тебя легче принять за какую-нибудь мещанку. Ты представляешь русское дворянство. Не забывай о своем положении.

Представить, что мать могла выманить из постели необходимость донести до дочери сей избитый аргумент, было невозможно.

– Я бы не забыла даже при всем желании. Вы посто янно твердите мне об этом, – вздохнула Софья.

Мария повернулась и устремила на дочь непонимающий взгляд.

– Ты что-то сказала?

– Я сказала, что предпочитаю свою портниху, – твердо ответила молодая женщина. В этом вопросе она уступать не намеревалась. – Мои вкусы скромнее, чем у других женщин.

– Скромность... – Мария нетерпеливо вздохнула, мельком окинув взглядом изящную фигурку дочери, начисто лишенную тех соблазнительных выпуклостей и округлостей, что так привлекают большинство мужчин. – Сколько раз можно повторять, что женщина бес- сильна, если не пользуется тем оружием, коим наградил ее Господь!

– Мое оружие – платье?

– Тогда лишь, когда оно скроено и пошито, дабы дразнить мужское вожделение.

– Я предпочитаю не дразнить, а наслаждаться комфортом, – резко, но с абсолютной искренностью возразила Софья. Хотя весна и пожаловала наконец в Петербург, в камине, обложенном белыми с золотистыми прожилками плитками, потрескивали дрова. Софья постоянно зябла и ничего не могла с этим поделать.

Мария бросила платье на постель и покачала головой:

– Глупое дитя. Я сделала все возможное, дабы обеспечить твоё будущее. Ты могла выбирать из самых влиятельных и достойнейших.

– Я уже говорила вам, матушка, что не имею ни малейшего желания выйти замуж по расчету. Вы хотите этого, но не я.

Мария вдруг решительно пересекла комнату и, встав перед дочерью, твердо посмот- рела на нее.

– Это потому лишь, что ты не представляешь себе, каково это, не иметь ни денег, ни положения в обществе. Можешь насмехаться над моими желаниями и устремлениями, но уверяю тебя, гордость легко забудется, если ты уверишь себя, что сумеешь прожить только за счет любви. Замерзать зимой – удовольствие небольшое, как и прятать от посторонних глаз потрепанный подол платья. – Глаза ее потемнели от напомнившей о себе давней боли. – Как и чувствовать себя изгоем...

– Простите, матушка, – негромко произнесла Софья. – Я понимаю и ценю те жертвы, что вы принесли ради меня, но...

– Неужели? – бесцеремонно перебила ее мать.

Софья растерянно моргнула:

– Простите, матушка?

– Ты действительно понимаешь и ценишь все, что я сделала?

– Конечно.

Потянувшись к дочери, Мария сжала ее запястья.

– Тогда ты согласишься сделать то, о чем я должна тебя попросить.

Софья торопливо высвободила руки.

– Я люблю вас, матушка, но моя признательность не безгранична. Я уже говорила вам, что не приму предложение Орловского. Он не только стар настолько, что годится мне в отцы, но от него еще постоянно пахнет луком.

– К графу это не имеет никакого отношения.

Первоначальная настороженность уже сменилась явной тревогой. Похоже, ее мать яви- лась не только для того, чтобы устроить сцену. Речь могла пойти о чем-то более серьезном.

– Что-то случилось?

Мария нервно сжала пальцы. Драгоценные камни колец заблестели в утреннем свете.

– Да, случилось.

– Расскажите.

Вместо ответа Мария проплыла к окну, оставляя за собой аромат духов.

– Ты почти ничего не знаешь о моем детстве.

Софья недоуменно уставилась в спину матери. Княгиня никогда не позволяла себе откровений, касавшихся своего более чем скромного происхождения.

Никогда.

– Вы говорили, что выросли в Ярославле и жили там до переезда в Петербург, – осторожно сказала она.

– Мой отец приходился дальним родственником Романовым, но поссорился с императором Павлом, а поскольку гордость и упрямство не позволяли извиняться, ему было запрещено появляться при дворе. – Мария криво усмехнулась. – Глупец. Мы жили в жутком, безобразном доме в нескольких верстах от ближайшей деревни, существовавшей лишь благодаря стараниям полудюжины крестьян. Я влачила жалкое существование в окружении дикарей и тупиц. Одна лишь служанка составляла мне компанию и помогала пережить серое однообразие этой глуши.

Софья сочувственно посмотрела на мать. Подумать только – эта общительная женщина, не способная и дня прожить без подруг и знакомых, была заточена в деревенской глуши. Бедняжка, наверное, чувствовала себя как в аду.

– Не могу представить вас в такой обстановке, – выдохнула она.

Мария повела плечами и тут же дотронулась до бриллиантового кольца, словно желая убедиться, что тяжкие воспоминания не унесли его с собой.

– Живя в нищете, я поняла, что должна сделать все, чтобы сбежать оттуда, и, когда моя тетя сочла своим долгом пригласить меня к себе, я приняла приглашение вопреки угрозам отца. Что мог он предложить дочери, кроме долгих лет прозябания в одиночестве? В конце концов я продала то немного, что имела, и отправилась в Петербург одна.

Софья даже прищелкнула восхищенно языком. Ничего иного от матери она и не ожидала. Та шла к цели напрямик, и никакие препятствия не могли остановить ее.

– Изумительно. Я восторгаюсь вами, матушка. На свете найдется немного женщин столь же решительных и отважных.

Мария медленно повернулась. Грустная улыбка скользнула по ее губам.

– Дело не в отваге, а в отчаянии. К тому же я прекрасно понимала, что буду под крышей у тети не столько гостьей, сколько служанкой. Не уверена, что решилась бы сейчас повторить то изматывающее путешествие.

– А я нисколько не сомневаюсь, что вы сделали бы то же самое. Вы никогда не отказывались от своих желаний и преодолевали любые препятствия.

Ее мать пожала плечами:

– Это верно, но какой бы решительностью и смелостью я ни обладала, мне ни за что не представилась бы возможность попасть в свет, если бы не Елизавета Троицкая.

Софья не сразу поняла, о ком идет речь.

– Вы говорите о герцогине Хантли?

– Ее семья жила по соседству с моей тетей, – объяснила Мария. – В свете ее знали и любили все. Иначе и быть не могло. Красавица, богатая и невероятно добрая. Я, наверное, никогда не пойму, почему она сжалась надо мной и убедила мою тетю позволить мне побывать в ее салоне. Я многим обязана ей и навсегда останусь благодарна.

В глубокой и искренней привязанности княгини к давней подруге сомневаться не приходилось. И привязанность эта выглядела странной, учитывая, что Мария предпочитала общество молодых офицеров, а не светских дам.

– Тогда вы и познакомились с Александром Павловичем?

– Да. – Глаза княгини смягчились, как бывало всякий раз при упоминании императора. – Он был такой милый, такой обворожительный. Я с первого взгляда поняла, что ему уготована великая судьба.

Софье стоило немалых усилий удержаться от расспросов. В отношениях матери с Александром Павловичем до сих пор оставались белые пятна, но ведь есть вопросы, которые лучше не задавать.

– Все это очень интересно, матушка, но я не совсем понимаю, что именно вас беспокоит.

Мария разгладила юбку, и Софья заметила, что руки у матери дрожат.

– Ты должна понять, что я очень признательна Елизавете.

– Почему?

– Вскоре после приезда в Петербург я познакомилась с герцогом Хантли. Как и многие дамы тогдашнего общества, она пала жертвой чар красавца англичанина и вернулась с ним в Лондон, где они должны были пожениться. – Мария вздохнула. – Я потеряла ближайшую подругу и очень расстроилась. Утешало лишь то, что мы могли обмениваться письмами и быть в курсе дел друг друга.

– Понимаю, – кивнула Софья.

– Я была молода и глупа, – продолжала Мария, – и, когда Александр Павлович стал проявлять ко мне интерес, не могла не поделиться подробностями нашего романа с Елизаветой.

– Но насколько я понимаю, ваши с царем Александром отношения не были таким уж строго охраняемым секретом.

– Конечно нет, – беззаботно ответила Мария, никогда не скрывавшая интимной близости с императором. – Они были источником бесконечных сплетен, но вот о содержании наших личных разговоров посторонним знать не полагалось. Даже тем, чья преданность Романовым никогда не подвергалась сомнению.

Софья напряглась.

– Вы рассказали о своих разговорах с Александром Павловичем герцогине Хантли?

– Я знала, что ей можно доверять, – с ноткой обиды заявила княгиня. – К тому же мне надо было с кем-то поделиться. Не могла же я держать при себе свои самые сокровенные мысли. Все женщины Петербурга умирали от зависти ко мне. Все хотели бы оказаться на моем месте.

– Они и сейчас завидуют, – поспешно вставила Софья, зная, что матери будет приятно это услышать. Вытянуть из нее что-то можно было только лестью, а в том, что вытягивать нужно, она уже не сомневалась. – Но вы редко бываете неблагоразумны.

Однако смягчить Марию оказалось не так-то просто.

– Я и подумать не могла, что письма увидит кто-то, кроме герцогини.

Сердце Софьи оборвалось.

– Значит, их видел кто-то еще?

– Ты вовсе не обязана при каждом случае напоминать, какой безрассудной дурочкой я была. Понимаю, ошибок наделала немало.

– Хорошо. – Софья сделала глубокий вдох и постаралась успокоиться. – Если я правильно поняла, в этих письмах содержатся сведения, которые могли бы повредить царю?

– Все гораздо хуже. Враги царя, если завладеют ими, смогут уничтожить его.

– Уничтожить? – изумилась Софья. – Не может быть. Вы конечно же преувеличиваете?

– Если бы...

– Матушка?

Мария грациозно опустилась на стул с мягким, обшитым парчой сиденьем. В утреннем свете под глазами у нее обозначились тени, а пухлые губы словно оказались заключенными в скобки морщин.

И все мелодраматические намеки на близящуюся опасность померкли на фоне этой страшной картины.

– Править такой страной, как Россия, дело необычайно тяжелое. – Мария понизила голос. – Здесь всегда зреют волнения, здесь измена – едва ли не любимая игра дворянства, но в последние годы положение заметно изменилось к худшему. Александр много путешествует по миру, и трон слишком долго остается незанятым. Такое положение вещей подталкивает врагов к новым заговорам.

– Их и подталкивать особенно не требуется.

– Возможно, но эти люди смеются буквально с каждым днем.

Софья облизала пересохшие губы.

– И в тех письмах есть нечто такое, что даст врагам Александра Павловича оружие против него?

– Да.

– И что же... Мать повелительно подняла руку:

– Не спрашивай меня, Софья.

Первым ее побуждением было потребовать ответа. Если уж ей придется расхлебывать кашу, что заварил мать, то разве не заслуживает она знать правду?

Но, немного подумав, Софья пришла к мудрому заключению, что делать это не стоит, и слова, уже готовые сорваться с губ, так и не прозвучали.

Она любила Александра Павловича и питала к нему глубокое уважение, но прекрасно понимала, что он всего лишь человек, со своими слабостями и недостатками. А еще ей всегда казалось, что императора окружает аура меланхолии, словно он носит в себе некую тяжелую тайну.

Так ли уж она хочет знать, какая именно тайна породила такую печаль?

– В таком случае, матушка, вам нужно написать императору и предупредить его о грозящей опасности. Император непременно пожелает вернуться в Петербург.

– Нет, – отрубила княгиня.

– Но правду скрыть невозможно.

– Именно это я и должна сделать.

Софья нахмурилась, отказываясь верить в то, что мать может быть настолько себялюбивой.

– Вы готовы подвергнуть Александра Павловича опасности только потому, что не желаете признаться в собственном неблагоразумии?

Темные глаза раздраженно блеснули.

– Боже мой, неужели ты ничего не замечала в последние месяцы?

– Вы имеете в виду бунт?

– Александр очень расстроен.

Мария поднялась, прошла по полированному полу. На лице ее явственно проступило выражение крайней озабоченности. – Он всегда считал Семеновский полк самым верным и предательство воспринял как удар кинжалом в сердце. Мне страшно за него. Он такой впечатлительный. Я не уверена, что он переживет то, что сочтет еще одним предательством.

– Мы все желаем ему добра и здоровья, но он – император, – мягко напомнила Софья. – Он должен знать обо всем, что может угрожать трону.

Мария остановилась и, гордо подняв подбородок, посмотрела на дочь.

– Я намерена устранить все угрозы до возвращения Александра.

– Как? Если кто-то завладел вашими письмами...

– Не уверена, что их кто-то видел.

Софья потеряла пальцами виски.

– У меня, матушка, от вас голова разболелась. Может быть, вам лучше начать сначала.

Мария устало вздохнула и, переведя дыхание, постаралась собраться и взять себя в руки.

– Неделю назад, на маскараде у графа Бернадского, ко мне подошел некий мужчина в маске, назвавшийся Голосом Правды. Заявив, что располагает письмами, которые я писала Елизавете, он пригрозил опубликовать их, если я не соглашусь заплатить сто тысяч рублей.

– Сто тысяч рублей, – прошептала Софья, пораженная размером названной суммы. Худшего варианта развития событий она и представить не могла. – Боже... Но мы не сможем собрать такие деньги.

– Я и не намерена платить, – резко бросила Мария. – Ни рубля. По крайней мере до тех пор, пока не удостоверюсь, что письма действительно в руках этого мерзавца. В чем я сильно сомневаюсь.

– Почему?

– Потому что, когда вымогатель собрался уходить, я попросила Геррика Герхардта проследить за ним.

Софья вздохнула. Геррик Герхардт был ближайшим советником Александра Павловича и самым необыкновенным человеком из всех, кого она встречала. От его цепкого, внимательного взгляда не ускользало, казалось, ничто. Зная о его преданности императору, можно было не сомневаться: любая угроза будет устранена безжалостно и решительно. Находясь рядом с ним, каждый чувствовал себя неудобно, ведь по малейшему знаку этого человека вас могли запросто отправить в темницу.

– Конечно, – прошептала она.

Мария пожала плечами; похоже, она не разделяла страха дочери в отношении Герхардта.

– Я уже сталкивалась с чем-то подобным. Само мое положение привлекает многих, кто хотел бы, используя меня, так или иначе повлиять на Александра Павловича.

Для Софьи признание матери не стало откровением. К ней самой нередко обращались люди, рассчитывавшие склонить императора к принятию того или иного решения.

Смешно. Неужели они не понимают, что у нее нет никаких возможностей повлиять на царя?

– И что Геррик? Удалось ему выследить вашего вымогателя?

– Да. Им оказался некто Николай Бабевич. Его отец – русский офицер, а мать... – Мария зябко повела плечами, – француженка. Такой неприятный народ эти французы. Им абсолютно нельзя доверять.

Этого мнения матери Софья не разделяла. Мария, как и многие люди ее поколения, слишком хорошо помнили вторжение Наполеона и разорительную войну с ним.

– Его схватили?

– Геррик решил, что будет лучше, если злодей пока останется в неведении. Пусть думает, что его маленькая тайна не раскрыта.

Софья покачала головой. Да что ж такое с ее матерью? О чем она только думает?

– Я, конечно, плохо представляю, как работает правительство, но если известно, кто злодей и где он находится, то почему бы не арестовать его прямо сейчас? – простодушно спросила она.

– Мы не знаем, действует ли он в одиночку или у него есть сообщники.

– Но Геррик, по крайней мере, вернул ваши письма?

– За Бабевичем установлено наблюдение, так что, если письма у него, он рано или поздно приведет нас к ним.

Похоже, настаивать на незамедлительном аресте шантажиста не имело смысла. Если Геррик решил, что злодей пока должен оставаться на свободе, так и будет, своего мнения он не изменит.

Придя к такому заключению, Софья постаралась получить ответ на другие вопросы.

– Почему вы считаете, что Бабевич лжет относительно писем?

Мария снова прошла по комнате, перебирая массивные камни ожерелья, как делала всегда, когда пыталась выдать желаемое за действительное. Похоже, не все было так просто, как она хотела показать дочери.

– Когда этот негодяй обратился ко мне в первый раз, я потребовала, чтобы он показал письма. Он ответил, что не держит их при себе. Я потребовала доказательств того, что шантажист, по крайней мере, знаком с их содержанием. И он снова отказался, заявив, что никаких доказательств не будет, пока я не выплачу затребованную им сумму.

– Странно. Он ведь должен понимать, что выкуп платят только после предъявления доказательств и что просто так никто не даст ему и рубля.

– Мужчины склонны недооценивать женщин. Бабевич, наверное, полагал, что я запаникую и тут же соглашусь на все его требования. – Мария презрительно усмехнулась. – Есть и еще кое-что.

– Что?

– Мы с Елизаветой часто обменивались разными секретами, а потому – на случай, если письма попадут в чужие руки – придумали собственный шифр, которым и пользовались при переписке. Шифр, конечно, почти детский и разгадать его не составит труда, но показательным уже то, что вымогатель даже не похвастал своими успехами.

Софья согласно кивнула – довод и впрямь оказался ей убедительным. Даже считая, что с женщиной легко справиться, нагнав на нее страху, злодей не удержался бы от того, чтобы продемонстрировать свою сообразительность.

Жизненный опыт, пусть и недолгий, убедил ее в том, что мужчина никогда не упустит возможности показать свое превосходство над женщиной.

– Если у него нет писем, то откуда ему известно об их существовании? И откуда он знает, что эти письма могут навредить Александру Павловичу?

– Именно поэтому Геррик и не принял мер к изобличению негодяя, – объяснила Мария. – Он убежден, что Николай Бабевич всего лишь пешка в чужой игре.

Софья поежилась. По спине пробежал холодок. И дело было не только в том, что она сидела в одной лишь ночной сорочке и корсете посреди остывшей комнаты. В какой-то момент молодая женщина вдруг почувствовала, что впереди ждут большие неприятности. Мысль о том, что у них с матерью появились опасные враги, не добавляла радости.

– Значит, не остается ничего другого, как сидеть и ждать, пока злодей не приведет вас к своим сообщникам.

Мать ответила не сразу и, оборвав наконец затянувшуюся паузу, нерешительно посмотрела на дочь.

– Вообще-то есть одно очень важное дело.

Софья инстинктивно подалась назад. Этот тон был хорошо ей знаком. Как и испытующий взгляд исподлобья. Ни первое, ни второе ничего хорошего никогда не обещали.

По крайней мере, ей.

– Нет-нет, матушка, можете не продолжать.

– Кому-то нужно отправиться в Англию и обыскать поместье герцога Хантли, – продолжала Мария, как всегда не обращая внимания на протестующие жесты дочери. – Если письма на месте, мы будем знать, что Николай Бабевич блефует, и опасаться нечего.

Беспокойство, овладевшее Софьей с самого начала разговора, грозило вот-вот перерасти в настоящую панику.

Боже. Вот уж не ждала так не ждала. А следовало бы. Мария никогда ни перед чем не останавливалась, и вот теперь не видела ничего странного в том, чтобы свалить на плечи дочери невыполнимое поручение.

– Но... – Софья попыталась восстановить дыхание. – Если письма спрятаны где-то в Англии, как может посторонний знать об их существовании?

Мария махнула рукой:

– Может быть, о них упомянул нынешний герцог или его брат, лорд Саммервиль. В конце концов, Эдмонд был здесь, в Петербурге, всего лишь несколько месяцев назад.

Софья ухватила за последние слова, как за спасательный канат.

– Тогда почему бы просто не написать им и не потребовать вернуть письма? Герцогиня давно умерла, какое им дело до ее переписки?

Мария нетерпеливо махнула рукой:

– Нельзя. В первую очередь потому, что эти двое целиком и полностью преданы принцу-регенту... Ах да, этот ужасный человек стал теперь королем. – Она состроила гримасу. – Так или иначе, всем известно, что сей достойный господин остался весьма недоволен последним визитом Александра Павловича по случаю празднования победы в войне. Если бы король узнал о содержащихся в письмах сведениях, способных навредить императору, он несомненно потребовал бы передать их ему.

Софья и хотела бы возразить, но слухи о затаенной вражде между королем Георгом и Александром Павловичем, скорее всего, соответствовали действительности, что было совсем неудивительно. Монархи являли собой полные противоположности.

Император терпеть не мог пустой шумихи и неуместной болтовни.

Софья тут же попыталась найти другой предлог, чтобы отказаться от пугавшего ее путешествия в Англию.

– Обыскать поместье Хантли, не имея на то разрешения, невозможно. У английского герцога, должно быть, целый батальон слуг. Меня остановят у первых же дверей.

Мария снисходительно улыбнулась:

– Тебя примут там как дорогую гостью.

– Матушка...

– Распоряжения касательно твоего отъезда уже отданы и исполняются, – тоном, не терпящим возражений, оборвала ее Мария. – Ты отправляешься в конце недели.

Паника нарастала, мысли путались, и теперь уже Софья поднялась и прошла по комнате, изо всех сил стараясь взять себя в руки.

– Даже если бы я согласилась с вашим абсурдным планом – а согласиться с ним не могу, – положение герцога Хантли таково, что мое появление там в качестве госты было бы проявлением крайней неучтивости. Он ведь не женат.

– Я уже написала лорду Саммервиллю и его молодой жене, что Александр Павлович хотел бы, чтобы тебя должным образом представили английскому свету. Так что прогнать тебя они не посмеют.

Положение ухудшалось, становясь критическим.

– Лорд Саммервиль живет в поместье со своим братом?

– Нет, но король предоставил в распоряжение супругов прежний дом леди Саммервиль, откуда до Мидоуланда не более мили. Несомненно, ты будешь часто бывать у герцога.

Софья покачала головой:

– Боже, матушка, что вы делаете? Навязываете молодоженам гостью, совершенно постороннего человека, и совсем не думаете о том, в какое неудобное положение всех нас ставите.

Лицо княгини мгновенно точно окаменело, глаза сверкнули холодным блеском. Решение было принято, и теперь уже ничто не могло его поколебать.

– Дочь моя, если эти письма попадут в чужие руки, неприятности ждут не только меня, но и Александра. – В ее голосе прозвучали жесткие нотки. – Еще одного скандала ему не пережить.

Еще одного?

Что бы это могло значить?

Софья выпрямилась – ее терпению пришел конец. Мать уже не раз изобретала хитроумные планы и комбинации, но эта...

– Итак, вы хотите, чтобы я отправилась в чужую страну, навязала свое присутствие людям, которых едва знаю, проникла в хорошо охраняемый дом герцога и выкрала письма, которых там, возможно, и нет? Я правильно все поняла?

Княгиня даже глазом не моргнула.

– Да.

Софья фыркнула.

– Предположим, я выполню это невозможное поручение и добуду письма. Что дальше?

Что мне с ними делать? Сжечь?

Мария сделала большие глаза:

– Нет! Конечно же нет! Я хочу вернуть письма.

– Ради бога, матушка, разве эти письма уже не причинили вам кучу неприятностей?

Их следует уничтожить.

Мария повернулась так быстро, что шелка и газ встрепенились, словно крылья.

– Не говори глупостей, Софья. Они мне нужны.

Застигнутая врасплох неожиданной настойчивостью матери, Софья нахмурилась.

– Зачем?

Мария помолчала, вероятно, обдумывая, что сказать.

– Александр Павлович всегда любил меня и был весьма... щедр к нам. Но мы оба знаем, что его братья не одобряли нашу связь и были против того, чтобы он помогал мне содержать этот скромный дом. Если что-то случится – не дай, конечно, Бог, – боюсь, мы можем оказаться в весьма затруднительном положении и без того, что по праву принадлежит нам.

– Я не... – Софья не договорила – открывшаяся истина оглушила ее. – О нет! Вы намерены воспользоваться этими письмами, чтобы вымогать деньги у следующего царя? Да вы с ума сошли, матушка!

Мария раздраженно вздохнула.

– Должен же кто-то подумать о будущем.

– Я думаю о будущем, матушка. – Софья повернулась и, пройдя через комнату, остановилась у окна. – Надеюсь, вам понравится в той сырой темнице, которая несомненно ожидает нас.

Глава 2

Суррей, Англия

На первый взгляд два джентльмена, прогуливавшиеся по традиционному английскому парку, казались поразительно схожими между собой.

У обоих – иссиня-черные волосы, с очаровательной небрежностью падавшие на лоб. У обоих – резкие, угловатые черты, доставшиеся от матери, урожденной русской. У обоих – восхитительные синие глаза, лишившие рассудка не одну женщину. И наконец, под одеждой у обоих крепкие, подтянутые тела.

При ближайшем, однако, рассмотрении выяснялось, что кожа у старшего, нынешнего герцога Хантли, заметно темнее, а плечи чуточку шире, чем у его брата, Эдмонда, лорда Саммервиля. Объяснялось это необходимостью присматривать за обширным поместьем и, как следствие, регулярным пребыванием на открытом воздухе. Черты Стефана отличались тонкостью и указывали скорее на элегантность, а не на силу.

Физические различия, однако, не шли ни в какое сравнение с различиями в характерах.

Эдмонд всегда – или, по крайней мере, до недавнего времени, когда женился на Брианне Куинн, – был человеком беспокойным, мятущимся, тогда как Стефан всецело посвятил себя поместью и людям, от него зависевшим. Эдмонд был обаятелен, пугающе смел и легко выходил из себя. В свое время, будучи советником Александра Павловича, он не раз – причем добровольно – рисковал собственной шеей. Стефан же отличался немногословностью, держался в тени и старался не привлекать к себе внимания. Цветистой лести он предпочитал неприкрашенную правду, вследствие чего чувствовал себя уютнее в обществе своих арендаторов, а не соседей-аристократов.

Объединяли братьев острый ум и верность как друг другу, так и всем тем, кто от них зависел.

Забота о брате и привела Стефана в Хиллсайд в то весеннее утро.

Шагая по саду, приведенному в достойный вид после пятнадцати лет небрежения, он то и дело поглядывал исподтишка на молчаливого, как обычно, Стефана.

– Значит, гостя прибыла? – осведомился старший брат.

Предвидя неизбежную лекцию, Эдмонд сдержал улыбку.

– Прибыла.

Отбросив претензию на обходительность, Стефан перешел прямо к делу.

– Не понимаю, почему ты позволяешь Александру Павловичу распоряжаться твоим временем, – рыкнул он, обходя кучку обрезанных веток. – Ты же больше не состоишь у него на службе.

– Советником короля Георга я не был вообще, но это не мешает ему прибегать к моим услугам, – напомнил Эдмонд. – И не только к моим, но и к твоим тоже.

Замечание брата Стефан пропустил мимо ушей, хотя король Георг и впрямь донимал его бесконечными требованиями. Внимание его привлекли две женщины, вошедшие в сад со стороны пребывающего не в лучшем состоянии домика, построенного в стиле итальянского архитектора Палладио.

Узнать Брианну было нетрудно – ее выдавали ярко-рыжие волосы и легкая, торопливая, совсем не подобающая леди походка. Во многих отношениях – и прежде всего импульсивностью и беспечностью – Брианна походила на Эдмонда.

Задержав взгляд на супруге – сердце омыла знакомая теплая волна нежности, – он не сразу обратил внимание на вторую женщину, изо всех сил пытавшуюся не отстать от леди Саммервиль.

– Это она? – спросил Стефан.

– Да. Мисс Софья. В этот момент вторая женщина повернула голову, и Стефан замер, захваченный врасплох.

Дело было не в какой-то особенной красоте.

По крайней мере, не только в ней.

Она была *прелестна*. Золотые, как солнце на рассвете, волосы, алебастровая кожа, изящная фигура, достоинства которой подчеркивало зеленое платье со скромным вырезом и короткими рукавами.

Но более всего его поразила четкая, выразительная линия профиля и соблазнительный изгиб губ. Он мог бы поклясться, что глаза у нее цвета летнего неба.

– Боже. Эдмонд усмехнулся:

– Мила, да?

– Мила. И... кого она мне напоминает?

– Отца. Тут не ошибешься, – согласился Эдмонд. – Как жаль, что он успел жениться до знакомства с ее матерью. Мария стала бы настоящей царицей и, возможно, дала бы Александру Павловичу необходимую силу, чтобы противостоять дворянству и проводить реформы, которых он так желал во времена молодости.

– Бабушка никогда не позволила бы ему жениться на провинциалке, у которой нет ничего, кроме красоты и хитрости.

Эдмонд покачал головой:

– Нельзя недооценивать решительную женщину. Она способна на многое.

– Вот почему я предпочитаю женщин стеснительных и скромных, – спокойно возразил Стефан. – Жизнь с ними намного спокойнее.

Эдмонд состроил гримасу:

– Скучно. Стефан снова повернулся к женщинам.

– Мисс Софья к нам надолго?

– Своих планов она не раскрыла. Он на это и не рассчитывал.

– Если император хотел ввести внебрачную дочь в английское общество, посылать ее в такую глушь не имело никакого смысла.

– Лондонский сезон заканчивается, – хитро усмехнулся Эдмонд. – Да и зачем подавать прелестную Софью вместе с другими прелестными дамами, если можно устроить так, чтобы она стала единственной достойной женщиной под боком у неженатого герцога?

– Ты думаешь... – Стефан покачал головой – предложенное братом объяснение представлялось слишком уж очевидной хитростью. – Нет. Даже Александр Павлович не настолько безыскусен, чтобы так откровенно ловить меня на свою дочь.

– Возможно, но у нее есть мать, которая именно так и могла поступить.

– Нет. Эдмонд вскинул бровь.

– Откуда такая уверенность?

– Я не затворник, и кое-какие лондонские сплетни до меня все же доходят. Насколько можно судить, княгиня хотела бы выдать дочь не иначе как за принца.

Эдмонд пожал плечами:

– Богатый английский герцог – козырь постарше, чем разорившийся правитель какого-нибудь захолустного княжества, которое всего лишь пятнышко на карте.

– А если княжество может поставить императору верных трону солдат? – возразил Стефан. – При всех моих достоинствах у меня нет армии, предложить которую я мог бы для поддержки императорского трона.

– Армии у тебя нет – верно, но ты имеешь влияние на английского короля. А это самый могущественный союзник.

– Наш король неоднократно выражал русскому царю свое неодобрение.

Эдмонд усмехнулся, весьма довольный собой. Он лучше многих понимал и знал, как пугает брата одна лишь мысль о том, что кто-то выйдет за него ради титула.

– Может быть, это жест примирения со стороны Александра Павловича.

– Тогда ему следовало отправить ее в Лондон, – проворчал Стефан. – Нисколько не сомневаюсь, что она легко обвела бы короля вокруг пальца.

Эдмонд прищурился:

– Откуда у тебя такие подозрения в отношении бедняжки?

– Я не забыл твою последнюю попытку вмешаться в российские дела. – Стефан нахмурился. – Вы с Брианной едва не погибли.

– Ну, в том не Александра Павловича вина.

Спорить Стефан не стал. Заговорщики намеревались свергнуть царя, и Эдмонд, как обычно, оказался в самой гуще событий.

– Возможно, ты и прав, но он все же рисковал не своей головой, а твоей. Я не хочу, чтобы ты снова ввязался в какой-то переплет.

Эдмонд обнял брата за плечи:

– Не беспокойся. Насколько я смог понять – и это немало меня удивило, – Софья ничто лишена честолюбивых амбиций своей матери и не склонна увлекаться авантурными комбинациями в духе отца.

– Хмм. – Стефан не отличался легковёрностью, убедить его в чем-то всегда стоило немалых усилий, но сейчас он видел, что Эдмонд не настроен прислушиваться к его предупреждениям. – Она хотя бы сознает, что вторглась в чужую жизнь?

В глазах Эдмонда вспыхнули озорные огоньки.

– Ты хорошо меня знаешь и должен понимать, что, когда я хочу побыть с женой наедине, мне никто и ничто не помешает.

– Верно, – с неохотой признал Стефан. – Сам не раз и не два оказывался в ситуации, когда в Хиллсайде мне указывали на дверь, не позволив даже допить портвейн.

– Когда-нибудь, дорогой мой брат, ты и сам окажешься на моем месте и все поймешь.

– Извини, но роду Хантли вполне достаточно и того, что уже один из них ослеплен страстью. – За шутливым тоном чуть слышно прозвучала глухая нота одиночества. Эту тайну Стефан старался держать в себе. – Подумай о нашей репутации.

– Чью именно репутацию ты имеешь в виду? Мою, легкомысленного вертопраха, или твою, скучного землевладельца, интересующегося больше коровами, чем женским обществом? – поддел брата Эдмонд.

– Скучного? Ну уж нет, – запротестовал Стефан. – Я всегда считал, что Бог даровал мне толику остроумия.

– Не прибедняйся, остроумием ты не обделен, вот только, к сожалению, демонстрируешь его редко. Тебе нужно почаще выбираться из Мидоуланда. А иначе, боюсь, заплесневешь, как и твои книги.

Стефан отстранился от брата – разговор принял нежелательный оборот. Он скорее вонзил бы кинжал в сердце, чем дал Эдмонду почувствовать, как завидует обретенному тем счастью.

Впрочем, если уж кто и заслужил счастье, так это Эдмонд.

– Мои книги вовсе не заплесневели. И я тоже.

Ощувив перемену в настроении брата, Эдмонд пристально посмотрел на него.

– Думаю, тебе не помешало бы освежить навыки светского общения.

– Ага, теперь я начинаю понимать твой хитроумный замысел. – Стефан попытался отвести разговор от себя. – Хочешь, чтобы я занимал нашу русскую гостью, пока ты будешь развлекаться с молодой супругой.

– Я забочусь исключительно о тебе.

Произнесено это было столь благочестивым тоном, что Стефан невольно рассмеялся и вдруг обнаружил, что они больше не одни. По спине пробежала дрожь, но уже в следующее мгновение он взял себя в руки и, улыбнувшись в удивленные зеленые глаза Брианны, с усилием перевел взгляд на стоявшую рядом с ней женщину.

Грудь как будто перехватило обручем – чистые, изумительно ясные голубые глаза смотрели на него с простодушной невинностью.

Боже. Прислав эту женщину, Александр Павлович как будто ответил на его невысказанную мольбу. Софья воплощала в себе все, о чем только мог мечтать мужчина. Незамутненная чистота сочеталась в ней с сияющей красотой, пробуждающей примитивное желание: подхватить на руки, утащить и... Кто бы не поддался этим чарам?

Увы, не устоял перед ними даже Стефан.

И лишь когда Брианна осторожно откашлялась, герцог поймал себя на том, что тарасится на русскую гостью, как какой-нибудь деревенский дурачок. Мысленно обругав себя за непростительную слабость перед обольстительной сиреной, он решительно перевел взгляд на леди Саммервиль.

– Доброе утро, Стефан, – с лукавой улыбкой сказала она.

– Милая Брианна. – Он взял ее руку и поднес к губам – пусть братец поревнует. – Как всегда, ваша красота освещает мой день.

Эдмонд отреагировал предсказуемо и тут же хозяйским жестом обнял супругу и привлек к себе. Оба знали, что Стефан относится к Брианне как к младшей сестре, но в каждом мужчине живет собственник, и не все реакции можно контролировать.

Возможно, именно этим и объяснялся тот странный факт, что, даже не глядя на Софью, он ощущал на себе невинный взгляд синих глаз и волнующий аромат жасмина.

Что поделаешь – инстинкт.

К счастью, нехарактерное для брата замешательство осталось без внимания со стороны Эдмонда.

– Стефан, позволь представить мисс Софью. Это мой брат, герцог Хантли.

Сердце зашпешило куда-то, но выбора не оставалось, и Стефан повернулся к гостье, элегантно исполнившей положенный реверанс.

– Ваша светлость... – Голос у нее оказался низкий, с легким, едва уловимым акцентом.

Его ответный кивок граничил с грубостью. Стефан не собирался отказываться от подозрений на том лишь основании, что Софья казалась ангелом во плоти.

– Надеюсь, вам нравится в Суррее?

Она ответила ослепительной улыбкой. В ней ослепляло все.

– Очень, спасибо. Лорд и леди Саммервиль самые радушные хозяева, какие только могут быть. И я уже открыла для себя красоту английского пейзажа.

– Английский пейзаж, должно быть, немного скучен в сравнении с Петербургом. Насколько мне помнится, этот город предлагает молодым и красивым женщинам куда больший выбор развлечений.

Она пожала плечами, чем привлекла его внимание к изящной шейке, перехваченной нитью превосходного жемчуга.

– Мне больше нравятся покой и тишина. – Она слегка прищурилась, словно отыскивая в его лице намека на недоверие. – И, честно говоря, я рада, что нахожусь в деревне, где можно насладиться теплом вашего лета.

Он растянул губы, изображая улыбку, и, взяв ее за руку, повел по мощеной тропинке. Нужно быть очень осторожным, не спугнуть ее, не оттолкнуть.

– Вам нравится нежиться на солнышке? Как кошечке?

Она напряглась, замешкалась, словно застигнутая врасплох его прикосновением, но тут же справилась с замешательством и, скопировав его фальшивую улыбку, прибавила шаг.

– Да, вы правы. Я и впрямь чувствую себя домашней кошкой. – Софья повернула лицо к солнцу. – В Петербурге я редко выхожу на улицу, не закутавшись в шаль.

– Какая жалость... скрывать такую чудесную кожу... – Взгляд его сам собой скользнул по тонким, нежным чертам. – Под лучами солнца она словно алебастр.

– Вы смущаете меня, ваша светлость.

– Почему это?

Она стрельнула в него взглядом.

– Мне говорили, что вы, в отличие от брата, предпочитаете практичность очарованию.

– Похоже, в последнее время меня изображают каким-то унылым занудой. А я и не догадывался, насколько скучен.

– Практичность не скучна. Стефан вскинул бровь, удивленный ее резким тоном.

– Нет?

– Совсем наоборот. – Она снова улыбнулась. – Леди Саммервиль говорила, что у вас лучшая библиотека во всем Суррее.

– Интересуетесь книгами?

– Мама считает, что даже слишком. Будь у меня такая возможность, я бы с большим удовольствием проводила вечера у теплого камина с хорошей книгой, чем посещала бесконечные балы, которые так обожает русский свет.

Сердце встрепенулось. Предпочитает книги развлечениям? Нет. Не может быть. Гостья из России разыгрывает какой-то спектакль, и интерес к книгам всего лишь часть ее роли.

– Весьма необычное увлечение для молодой леди.

– Не соглашусь с вами.

– Вот как?

– Скорее дело в том, что молодых леди редко спрашивают, чего они хотят на самом деле.

Он прищурился. Хмм, красива и умна. Следовательно, опасна.

– Туше.

– Простите. – Она смущенно потупилась. – Я слишком часто говорю то, что думаю.

– Мне не за что вас прощать. Я предпочитаю прямоту и искренность. – Он сделал ударение на последнем слове. – И в доказательство моей искренности предлагаю вам свободно пользоваться моей библиотекой в любое удобное для вас время.

Она сбилась с шага и даже немного покраснела.

– Спасибо, ваша светлость. Вы очень добры.

Довольно странная реакция на мало что значащее приглашение. Он ведь не сделал ничего особенного, кроме простого жеста гостеприимства.

– Дело не в доброте. Возможно, вам действительно приятны тишина и покой, но проводить все время в компании Брианны и моего брата не самое вдохновляющее занятие. Молодожены, бывая вместе, склонны забывать о присутствии третьего. Должен же у вас быть какой-то запасной вариант.

– Они так увлечены друг другом.

– Влюблены до безумия.

Стефан обернулся. Эдмонд и Брианна стояли возле пребывающего в плачевном состоянии фонтана, являя собой образчик счастливой семейной пары: Брианна склонила голову на плечо мужа, рука которого нежно поглаживала спину супруги. Тем не менее от Стефана не укрылось озабоченное выражение на лице брата.

– Завидую, – пробормотала, вздохнув, Софья. – Не так часто встречаешь женщину, которой позволено выйти замуж по любви.

– И еще реже мужчину.

– Правда? – Она взглянула на него с искренним недоумением.

– Вы удивлены? Почему?

– В моем представлении джентльмен вашего положения и состояния может жениться на любой женщине по собственному выбору.

– Вы живете в Петербурге, мисс Софья, и должны понимать, сколь вероломен бывает двор.

– Вероломен?

Он пожал плечами.

– Приняв одно предложение на бал и отклонив другое, вы обидите половину палаты лордов. Поговорите с одной служанкой на секунду дольше, чем с другой, и ваш дом наполнится слухами. Не дай бог пригласить в Мидоуленд пару друзей и обойти вниманием их незамужних сестер, кузин или просто знакомых. Сделать же кому-то предложение все равно что...

– ...спровоцировать еще одну Войну роз, – закончила она ровным голосом, в котором почти затерялась насмешка. – Что ж, весьма благоразумно оставаться неженатым и не лишать честолюбивых отцов и жадных до титулов матерей надежды выдать за вас свою дочурку.

Он снова улыбнулся, но теперь уже открыто, по-настоящему. Вопреки всем подозрениям, она вовсе не спешила очаровывать притворной лестью, но демонстрировала остроумие и непринужденность.

– Вы украли мою мысль.

– Так вот почему вы сторонитесь света?

Похоже, Брианна уже успела выразить свое недовольство его нежеланием принимать бесконечно поступающие приглашения.

– Это лишь одна из причин. – Он помолчал. – И... Впрочем, я лучше оставлю свое мнение о свете при себе.

– Почему?

– Вы ведь для этого приехали в Англию, не так ли? Чтобы быть представленной английскому обществу?

– Я... Моя мать решила, что это пойдет мне на пользу.

– Но не вы?

– Я ведь здесь, да? – Небрежный тон, каким это было сказано, плохо сочетался со стоическим выражением.

Странно. Разве ее отправили в Англию против воли? Впрочем, никакого значения это не имело. Стефан уже решил, что, если гостя попытается привлечь брата к участию в очередной аванюре императора, он просто выставит ее из Суррея.

– Вот, значит, как. Довольно странно.

– Что же здесь странного?

– В Лондоне много русских дипломатов. Ваша мать могла бы ввести вас в лондонский свет более традиционным способом.

К такому повороту она была готова и ответила с улыбкой, глядя ему в глаза:

– Моя мать очень упряма, но далеко не глупа. Увы, я не унаследовала ее таланта легко сходиться с незнакомыми людьми. Она, конечно, надеется, что, живя у лорда и леди Саммервиль, я обрету новых знакомых и не доставлю при этом больших хлопот.

– Хмм. Она вопросительно выгнула бровь.

– Да?

– Просто подумал, что вам очень повезло. Если бы Эдмонд не женился, ваш визит в нашу страну мог бы и не состояться.

Стрела попала в цель – глаза сверкнули возмущенно, а Стефан довольно усмехнулся про себя при этом первом признаке подлинного чувства.

– Вы могли бы и не указывать на те неудобства, что создал мой приезд для лорда и леди Саммервиль, – раздраженно ответила она. – Я прекрасно понимаю, что они лишь недавно поженились и мое присутствие в некотором смысле стесняет их.

– Уверен, они рады принимать вас у себя.

– Да?

– Конечно.

Она поджала губы.

– Я пыталась убедить мать, что время выбрано не самое подходящее, что я обременю его светлость, но она настояла на своем.

– А вы всегда делаете то, что приказывает мать?

Взгляд ее ушел в сторону и остановился на розовом кусте, а Стефан получил возможность полюбоваться чистой линией ее профиля.

– Не всегда, но семейный долг, ваше высочество, требует жертв. Даже от женщины, считающей себя разумным, здравомыслящим существом.

Удивленный этим неожиданным признанием, Стефан нахмурился. Уж не понимать ли это так, что ее послал в Англию император?

– Семейный долг?

– А, вот вы где, – вмешался Эдмонд, подходя к брату с загадочной улыбкой. – Я убедил Брианну вернуться домой и не сомневаюсь, что она с удовольствием составит вам компанию.

– Разумеется. – Софья с облегчением ухватила за спасительный предлог и поспешила попрощаться.

– Ваша светлость.

– Мисс Софья.

Едва дождавшись его кивка, гостя повернулась и устремила к дому.

Стефан проводил ее задумчивым взглядом. Знакомство с этой женщиной обернулось всплеском самых противоречивых чувств, разобраться в которых еще только предстояло.

Кто такая эта мисс Софья?

И почему он вдруг так остро ощутил отсутствие будоражащего аромата жасмина?

– Мог бы, по крайней мере, попытаться очаровать бедняжку, – протянул Эдмонд.

– Я ей не доверяю, – бросил в ответ Стефан, но не добавил, что кроме недоверия эта странная женщина вызвала и другие эмоции. – Думаю, ее прислал сюда император. Непонятно только для чего.

– Даже если ты и прав, мне вполне по силам защитить свои интересы. – В голосе Эдмонда прорезалась решимость. – Императору можно поставить в вину многое, но он достаточно умен, чтобы понимать, что случится, если Брианна как-то пострадает.

– Вопрос в том, сумеешь ли ты защитить себя самого.

Эдмонд пожал плечами:

– Я учусь. Стефан с улыбкой сложил руки на груди.

– Значит, мне не показалось?

– Не показалось? Ты о чем?

– Я, может быть, необщителен и скучен, но не мог не заметить, что ты окружил супругу двойной защитой.

Эдмонд удивленно взглянул на брата:

– Мой бог! Я и забыл, что за маской степенного землевладельца прячется самый пронырливый из всех известных мне людей. От тебя ведь ничего не утаить, да?

– Может быть, очень немногое.

Эдмонд фыркнул и покачал головой:

– Тебе повезло, что ни король, ни царь не догадываются об этом таланте. В противном случае они бы просто так тебя не отпустили.

– Ты тоже не лишен талантов, – усмехнулся Стефан. – И один из них – уклоняться от ответов.

Эдмонд тяжело вздохнул и состроил невеселую гримасу.

– Брианна вроде бы забеременела, но пока говорить об этом слишком рано.

Стефан хорошо понимал беспокойство брата. Первая беременность Брианны закончилась тем, что она потеряла ребенка. Не дай бог пережить такое еще раз. Однако Брианна молода и здорова. Ничто не мешает ей благополучно выносить дитя.

Он похлопал брата по плечу.

– Прими мои поздравления, брат. Эдмонд кивнул, но не улыбнулся.

– Серьезно?

Стефан не сразу понял, что Эдмонд имеет в виду предложение, которое он сам сделал Брианне несколько месяцев назад. Тогда, зная, что подвел подругу детства, он посчитал своим долгом взять на себя заботу о ее будущем. Слава богу, она выбрала Эдмонда.

– Иначе и быть не может. Вы с Брианной предначначены друг для друга. Кроме того, вы избавили меня от необходимости жениться. Теперь у меня будет настоящий наследник. Ты лишь удостоверься, что это мальчик.

– Боюсь, я уже ничего не могу сделать. – Морщинки беспокойства на лбу у Эдмонда разгладились, губы тронула озорная улыбка. – А кроме того, ты будешь глупцом, если удовлетворишься ролью холостяка.

Стефан вопросительно вскинул бровь.

– Это еще почему?

Эдмонд рассмеялся:

– Сомневаюсь, что мне одному суждено попасть в плен женских объятий. Тебе это тоже грозит, дорогой братец.

Глава 3

Три дня понадобилось Софье, чтобы, собравшись с силами, пройти ту милю, что отделяла Хиллсайд от Мидоуленда.

Глупо, конечно. В первый же день пребывания в Суррее она узнала от Брианны, что герцог Хантли имеет обыкновение во второй половине дня помогать своим арендаторам и объезжать обширные владения. Никакой причины тянуть с визитом так долго просто не существовало.

В конце концов, чем скорее удастся отыскать эти проклятые письма, тем быстрее она вернется в Россию.

Софья убеждала себя, что нежелание отправляться дом герцога Хантли объясняется лишь только характером взятого ею на себя обязательства. Она не была ханжой, но и не могла вот так запросто превратиться в обыкновенную воровку.

В глубине души, однако, Софья понимала, что от неизбежного ее удерживают не только соображения морального порядка. Скорее причина крылась в отношении к герцогу Хантли.

Странно, но при каждом брошенном им в ее сторону взгляде по телу прокатывалась волна жара. Он, конечно, потрясающей красоты мужчина, но ведь к его брату, лорду Саммервиллю, она ничего, кроме благодарности, не испытывала. Разве что чувствовала себя ужасно перед ним виноватой.

Когда им случалось быть рядом, сердце не срывалось в галоп и колени не дрожали, как осины на ветру. И не было никакой тревоги из-за того, что его пронизательный взгляд доберется до истинных причин ее пребывания в Суррее.

Откладывать исполнение долга она больше не могла.

После ланча, когда Брианна, извинившись, удалилась отдохнуть, Софья тихонько выскользнула из дому через боковую дверь и минуту-другую бесцельно бродила по саду. Удостоверившись, что за ней никто не наблюдает, она открыла калитку и направилась к лугу.

Удалившись от дома, Софья сбавила шаг. Утро выдалось хмурое, но теперь тучи рассеялись, и выглянувшее солнце тянулось к земле теплыми лучами. Когда-то няня много и с увлечением рассказывала ей о собственном детстве, прошедшем в небольшой деревушке в графстве Дербишир. Действительность превзошла ожидания.

Все вокруг было таким... зеленым.

Обходя стороной коттеджи, Софья не стала пересекать открытый луг, а углубилась в густой лес. Она, разумеется, не собиралась проникать в Мидоуленд украдкой, но не хотела, чтобы слух о ее приходе распространился по окрестностям. Меньше всего хотелось, чтобы герцог Хантли вернулся домой слишком рано.

Следуя по тропинке, Софья быстро миновала лес, вышла на опушку и на мгновение замерла перед впервые открывшимся ей Мидоулендом.

Дом не отличался, разумеется, величием и роскошью российских дворцов и даже изда- лека выглядел слегка обветшалым, как разношенная тапочка, но какая-то неведомая сила влекла ее к старому особняку.

В самой каменной кладке ощущалась неподвластная времени основательность и прочность. Массивные колонны, створчатые окна и резная каменная балюстрада придавали зданию естественный вид. Казалось, оно выросло здесь само собой, а не было возведено человеком.

Позволив себе лишь короткую паузу, Софья с неохотой продолжила путь. Каждый шаг требовал усилия воли, и она понимала, что при первой же неожиданности легко поддастся панике и припустится бежать.

Не будь трусихой.

Внушив себе ложную уверенность, она решительно зашагала по извилистой, обсаженной деревьями дорожке к увитым плющом воротам и, миновав их, поднялась по невысоким ступенькам. Дубовая дверь медленно открылась, когда она еще только пересекала широкую террасу. Софию это не удивило – герцог Хантли производил впечатление джентльмена, способного добиться порядка и исполнительности.

Смелость ее подверглась испытанию под грозным взглядом худошавого дворецкого в черной с золотом форме. Престарелый слуга даже не попытался скрыть своего недовольства ее вторжением, но, очевидно, предупрежденный хозяином, нехотя провел гостью через мраморный холл с видом на внушительную лестницу и далее по обитому панелями коридору к библиотеке.

Открыв с поклоном дверь, дворецкий удалился, а Софья осталась одна на пороге просторной комнаты.

Она даже ахнула от удивления, увидев книжные стеллажи, уходящие к высокому потолку, украшенному восхитительной панорамой местного пейзажа. Вытянувшиеся вдоль одной стены окна выходили в парк. У дальней стены поместился массивный мраморный камин с двумя креслами и узким столиком между ними. Заканчивая путешествие, взгляд остановился на массивном письменном столе орехового дерева и приставленном к нему тяжелом стуле.

Что же дальше? Пробраться в комнаты герцогини и обыскать их или начать поиски отсюда?

Верх взяла трусость. От одной лишь мысли о том, что придется прокрасться мимо армии слуг в спальню давно умершей хозяйки, Софье стало не по себе, и в животе затянулся тугим узлом страха.

К тому же герцогиня вполне могла писать письма и в этой прекрасной комнате.

Приняв решение, Софья подошла к столу, наклонилась и выдвинула верхние ящики. Оба были заполнены сложенными в аккуратные стопки бумагами. На то, чтобы просмотреть их, требовалось куда больше времени, чем представлялось поначалу.

Софья уже потянулась к нижнему ящику, когда из коридора донесся звук приближающихся тяжелых шагов. Сердце подпрыгнуло к горлу. Она торопливо подбежала к ближайшей полке.

Дверь открылась. Кто-то вошел в библиотеку.

Софья замерла, скользя невидящим взглядом по кожаным корешкам, потом с притворным равнодушием повернулась к двери в полной уверенности, что суровый дворецкий попросит ее уйти. Однако вместо дворецкого порог переступил герцог.

Боже, как же он был красив. Красота его, мрачная и суровая, отпечатанная в точеных чертах лица и крепком, мускулистом теле, подчеркнутая синим сюртуком и бриджами из оленьей кожи, волновала, тревожила и пугала.

Растрепанные ветром черные кудри и выглядывающая из-под платка могучая шея свидетельствовали о долгом пребывании на свежем воздухе, что лишь добавляло ему мужской привлекательности.

Он смотрел на нее молча, пристально, прожигая тяжелым взглядом, отчего по спине у нее пробежал холодок страха.

Обмануть его было непросто, и она чувствовала, что подозрения, зародившиеся, по-видимому, еще до ее прибытия в Англию, вовсе не умерли.

Да, он был опасен.

Молчание растянулось на несколько показавшихся вечностью мгновений, потом, улыбаясь одним ртом, он шагнул к ней, взял ее руку и поднес к губам.

– Мисс Софья... Дворецкий сообщил мне, что вы здесь.

Она отняла руку, по которой уже прошла дрожь возбуждения.

– Я... – Ей пришлось откашляться, чтобы избавиться от хрипотцы в голосе. – Я не ждала вас...

Он выгнул бровь.

– Не ждали?

– Леди Саммервиль упомянула, что после ланча вас обычно не бывает дома.

В глазах его что-то мелькнуло. Любопытство? Подозрение?

– Обычно так и бывает, хотя иногда я работаю и с бумагами.

Вот что значит положиться на удачу. Что ж, больше такой ошибки она не допустит.

– Надеюсь, вы не возражаете против моего присутствия, ваша светлость?

– Конечно нет.

Прислонившись плечом к стеллажу и как будто заполнив собой просторное помещение, он откровенно прошелся взглядом по муслиновому платью с расшитым крошечными атласными розочками лифу.

– Я ведь приглашал вас в любое время пользоваться библиотекой, – сказал герцог, любуясь ее раскрасневшимися щеками. – Нашли что-нибудь интересное?

Ей удалось изобразить что-то вроде улыбки. Годы, проведенные в вероломном и коварном петербургском свете, научили Софью искусству лицемерия.

– Я позволила себе лишь общее знакомство с вашим собранием и должна сказать, оно впечатляет.

– Признаюсь, большую часть его я унаследовал от предков, хотя кое-что добавляю время от времени и сам.

Софья бросила взгляд на еще нераспакованные пачки, лежащие на столике у двери. Наверняка новые книги.

– Время от времени?

– Ну, может быть, это не самое точное выражение, – согласился он с добродушной усмешкой, от которой ее сердце начало медленно плавиться.

– Я не хотела вам мешать и...

Совершенно неожиданно он схватил ее за руку и повернул к креслу.

– Садитесь, мисс Софья. Пожалуйста. Я попросил миссис Слейтер приготовить нам чаю. Думаю, вы согласитесь, что ее печенье лучшее во всей Англии.

Может, пока не поздно, вырваться и броситься к двери? Смехотворная мысль ушла так же быстро, как и пришла.

Он загнал ее в угол, и ей не оставалось ничего другого, как набраться смелости и принять бой. Она опустила в кресло и сложила руки на коленях, надеясь, что он не заметит, как они дрожат.

– Спасибо.

Герцог уселся в другое кресло и вытянул ноги.

– Расскажите, что вы уже посмотрели в доме.

Софья напряглась. Что посмотрела? Неужели он подозревает, что она пришла сюда, чтобы обыскать Мидоуленд?

– Прошу прощения?..

– Я подумал, что Гудсон провел вас по дому. Он служит здесь давно, по-настоящему гордится этой развалиной и обычно таскает несчастных гостей из комнаты в комнату, не обращая внимания на то, что визитеры умирают от скуки.

– Нет. – Она облегченно выдохнула. – Я, конечно, успела полюбоваться вашим холлом и замечательной мраморной лестницей. У вашего дворцового есть все основания для гордости.

– Эдмонд постоянно твердит, что от дома останутся одни лишь руины, если не принять срочных мер по его обновлению.

– Не думаю, что ему угрожает такая опасность, – горячо возразила Софья и улыбнулась, заметив, как поползли вверх его брови. – Хотя он и выглядит немного обветшалым. Я прекрасно понимаю ваше нежелание перестраивать его каким-то образом или что-то менять.

– А почему вы думаете, что я этого не желаю?

– Если не ошибаюсь, вы потеряли родителей в раннем возрасте. Вполне естественно, что вам дорога любая память о них и особенно все то, что связано с ними в самом доме.

Стефан вскинул голову, словно ее слова застали его врасплох. Странно. Перед отъездом она, разумеется, навела справки о герцоге Хантли и пришла к выводу, что он до сих пор скорбит о родителях. Боль ведь не скроешь, как ни прятать.

Возможно, герцог и хотел что-то сказать, но тут дверь открылась, и в библиотеку вошла молоденькая служанка с большим подносом.

– Вот и чай, – проворчал он, жестом показывая, куда поставить поднос.

Завершив свою миссию, служанка – симпатичная женщина с каштановыми волосами и большими карими глазами – исполнила реверанс.

– Что-нибудь еще, ваша светлость? Все это время герцог не сводил глаз с Софьи.

– Это все, Мэгги. Спасибо. Служанка вышла и закрыла за собой дверь.

– Вы будете так любезны разлить чай, мисс Софья?

– Конечно. – Она расставила чашки из прекрасного веджвудского фарфора. – Вам с сахаром?

– Нет, только с молоком.

Ощущая на себе его неотступный взгляд, Софья разлила чай по чашкам и разложила по тарелкам крохотные сэндвичи и печенье.

Надежды на то, что он отвлечется на чай, не оправдались. Герцог отодвинул тарелку и взял чашку, продолжая рассматривать гостью с таким видом, словно изучал сорняк, неведомым образом пробравшийся в его ухоженный огород.

Прихлебывая чай, она старалась делать вид, что не замечает его внимания, принявшего граничащую с грубостью форму, и сосредоточилась сначала на камине, а потом на большом портрете, висевшем над каминной полкой.

– Ваши родители?

– Да. Портрет написан вскоре после их женитьбы.

Предыдущий владелец Мидоуланда был высоким мужчиной с темными волосами и властным выражением на приятном лице, тогда как его супруга оказалась женщиной изящной и хрупкой, с ясными голубыми глазами, которые перешли к двум ее сыновьям.

– Герцогиня в точности такая, какой я и представляла ее по рассказам матери, – негромко сказала Софья. – Знаете, они ведь были близкими подругами.

– Да, я слышал.

Она сделала еще глоток, с трудом подавляя желание вскочить и бежать. *Успокойся. Разве это не прекрасная возможность вывести необходимые сведения? Почему ты колеблешься?*

– Моя мать, похоже, так и не простила герцога за то, что он увез ее любезную Елизавету. – Собрав в кулак всю смелость, Софья встретила его немигающий взгляд. – Она даже сказала как-то, что утешалась лишь тем, что без конца писала ей письма.

– Насколько я помню, мать тратила по несколько часов в день на то, чтобы ответить на поступающие послания.

– Прекрасное место для такого рода занятия.

Он прищурился.

– Вообще-то мать предпочитала заниматься этим в гостиной, примыкавшей к ее спальне. Комната расположена так, что в нее попадают первые же утренние лучи, а из окон открывается вид на озеро, которое очень ей нравилось.

Уже кое-что. Оставалось только придумать, как попасть в верхнюю гостиную, расположенную в восточной части дома.

На сегодня достаточно.

– Не могу представить, что в доме есть комната, откуда не открывается чудесный вид. Здесь такой великолепный ландшафт.

– Наш парк не столь строгий, как ваши, русские, хотя мама все же настояла на том, чтобы устроить розовый сад как напоминание о Летнем дворце. Там у нее много статуй и мраморных фонтанов.

Софья посмотрела в окно.

– Вы предпочитаете более свободный ландшафт?

– На мой взгляд, природа сама по себе хороший художник.

– Однако ж вы тратите немало времени на то, чтобы облагородить ваши поля.

Обернувшись, она успела заметить на его лице смягчившее черты выражение искреннего удивления.

– Да, согласен, но, должен сказать, я вовсе не ставлю перед собой каких-либо художественных целей.

– Разумеется, ваша работа гораздо важнее.

Он задержал взгляд на ее губах.

– Осторожнее, мисс Софья, или вы вскружите мне голову.

Сердце замерло на мгновение, а Софья, засунув в рот последний кусочек печенья, поспешно отодвинула чашку. Сейчас она готова была заняться чем угодно, только бы отвлечься, не смотреть на него, дожидаться, пока схлынет накатившая вдруг волна жара.

– Мне почему-то не очень верится, что вам так легко вскружить голову, – пробормотала она. – Вы, ваша светлость, человек очень...

– Какой?

– Проницательный.

– Итак, я уже обстоятельный и проницательный. – Стефан улыбнулся, но Софья уловила в его голосе легкую нотку недовольства. – Достоинства, ценимые скорее в деловом человеке, чем в джентльмене. Похоже, за голову мне можно не беспокоиться.

Она вскинула бровь.

– Предпочитаете, чтобы вас считали недалеким и пустым?

Он перехватил ее взгляд и не позволил ему уйти в сторону.

– Предпочитаю быть симпатичным и обаятельным.

На мгновение Софья как будто утонула в его бездонных глазах, забыв обо всем остальном: материнском поручении, письмах и даже возникшем ранее подозрении, что хозяин Мидоуленда всего лишь играет с ней, как кот с загнанной в угол мышкой.

Сейчас она могла думать лишь о том, что этот мужчина пробуждает в ней чувства и желания столь пугающие, сколь и восхитительные. Будь они не в Англии, а в России, она сделала бы все возможное, чтобы очаровать его и заманить в свои сети.

Поймав себя на том, что таращится на герцога едва ли не с открытым ртом, а на его лице все отчетливее проступает задумчивое выражение, Софья решительно отодвинула тарелку.

– Вы были правы, ваша светлость.

– Прав? В чем же?

– Ничего вкуснее вашего печенья я не пробовала.

– А... – Он едва заметно кивнул. – Скажите, мисс Софья, каково сейчас положение дел в России?

Вопрос застал ее врасплох.

– Извините, но я не вполне уверена, правильно ли понимаю, что вы имеете в виду.

– Перед тем как уехать из Петербурга, мой брат помог предотвратить надвигавшийся мятеж.

При этом не вполне уместном напоминании о восстании императорской гвардии Софья раздраженно поджала губы. Как верно заметила недавно ее мать, политика в России всегда была делом мутным, добрый десяток тайных обществ при поддержке иностранных держав замыслили свергнуть императора при первой же возможности, но предательство собственной армии стало для Александра Павловича настоящим ударом в спину. Ударом, от которого он так и не оправился.

– Вы правы, сей прискорбный инцидент действительно имел место.

– Я бы сказал, более чем просто прискорбный.

Почувствовав в его словах скрытый укол, она решительно вскинула голову.

– В Англии достаточно людей, которые хотели бы устроить переворот.

Ее резкий тон заставил его улыбнуться.

– Верно. Но я всего лишь интересовался настроениями в Петербурге.

– Обычные настроения, насколько я могу судить.

– Царь вернулся из путешествия?

Почему он спрашивает об этом? Только ли из праздного любопытства? Или тут что-то более серьезное?

– Когда я уезжала, он еще не вернулся, но сейчас, полагаю, уже в столице. Вообще-то император не извещает меня о своих передвижениях.

– По словам моего брата, император вообще редко ставит кого-то в известность о своих планах.

– Вы правы, к сожалению. У вас какой-то особенный интерес к царю Александру?

Лицо его вдруг посуровело, голос прозвучал жестко, с безошибочной ритмикой предупреждения.

– Мне нравится Александр Павлович, но у него есть привычка втягивать моего брата в рискованные предприятия каждый раз, когда это отвечает его интересам.

Софья растеряннo моргнула.

– Если я правильно понимаю, лорд Саммервиль больше не состоит при императоре?

– Так оно и есть.

Так его *это* беспокоит? Что царь прислал ее в Суррей только для того, чтобы заманить лорда Саммервиля в Россию?

С трудом сдержав вздох облегчения, Софья торопливо поднялась.

– Мне нужно вернуться в Хиллсайд, пока леди Саммервиль не стала беспокоиться.

– Но вы еще не выбрали книгу, – напомнил Стефан, также поднимаясь из кресла.

– Как-нибудь в другой раз. Женщине в ее положении нельзя волноваться.

– В положении? – нахмурился Стефан. – В каком еще положении? Так Брианна сказала вам...

– Не совсем так, но догадаться вовсе не трудно, если... – Она не договорила и прикусила язык. Надо же, чуть было не проболталась, что бедняжка Брианна страдает по утрам от тошноты.

– Получается, проницательный здесь не только я один.

– Дело вовсе не в проницательности. – И зачем она только поддалась на уговоры матери? Зачем согласилась выполнить это безумное поручение?

Поспешно распрощавшись, Софья устремилась к двери, но не успела открыть ее, как услышала голос герцога. Как же все нелегко, когда он рядом.

– Я, разумеется, увижу вас за обедом.

Она неохотно повернулась и с огорчением обнаружила, что он остался у стола.

– За обедом?

– Да, мой брат любезно пригласил меня отобедать сегодня в Хиллсайде.

Сердце затрепетало, но не от страха.

– Понятно. Тогда... до свидания, ваша светлость.

– Подождите, мисс Софья... – Он наклонился и поднял что-то с пола.

– Да? Герцог выпрямился и протянул руку:

– Ваша заколка, полагаю.

Сердце подпрыгнуло от страха, и кровь как будто похолодела. Проклятье. Как можно быть такой беспечной!

Застыв на месте, она отчаянно пыталась придумать оправдание. Герцог же тем временем пересек комнату.

– Я... она, должно быть, упала, когда я... любовалась видом из окна, – прошептала Софья, не смея поднять глаз. В горле пересохло.

– Несомненно.

Она протянула руку и взяла с его ладони заколку с брильянтами. Заметил ли он, как дрожали пальцы?

– Спасибо.

– Вам понравилось? Она вздрогнула.

– Что?

– Вид. Вам понравился вид?

– Да... Очень... – Его взгляд проникал, казалось, в самую душу. Боже, только бы уйти отсюда поскорее. – До свидания, ваша светлость.

С немыслимой быстротой и ловкостью он схватил ее руку и поднес губам.

– До встречи, мой ангел.

Прислонившись к двери, Стефан услышал шорох муслина и быстрые удаляющиеся шаги. Он втянул оставшийся после нее запах жасмина. Губы еще хранили тепло ее пальцев.

Боже. Никогда и ни одну женщину не воспринимал он так остро. Изящная линия профиля. Роскошный изгиб губ. Мягкие очертания груди, жаждущих мужского прикосновения.

Его телу было наплевать, зачем она явилась в Суррей, – лишь бы поскорее затащить ее постель.

Отгнав неуместные мысли, Стефан ждал неизбежного появления дворецкого. Гудсон отнюдь не обрадовался, узнав, что мисс Софья может пользоваться семейной библиотекой в любое удобное для нее время. Старик всю жизнь посвятил заботе о Стефани, в первую очередь защищая его от внешних вторжений.

Цени по достоинству преданность и рвение строгого дворецкого, Стефан собирался убедить его ослабить бдительность в отношении мисс Софьи. По крайней мере до тех пор, пока не выяснится, с какими намерениями прибыла она в Англию.

Предложив русской гостье осмотреть библиотеку, Стефан питал смутную надежду заработать благодарность и, возможно, вытянуть хоть какой-то намек на истинную цель ее миссии. Откровенно говоря, он и не рассчитывал, что молодая женщина примет предложение. Зачем ей библиотека, если она должна привлечь Эдмонда к участию в какой-нибудь очередной аванюре императора Александра.

И вот теперь у него появились причины пересмотреть прежние оценки.

Нет, с подозрениями он не расстался. Русская красавица определенно что-то скрывала. В этом Стефан уже не сомневался, как и в том, что перед его приходом она искала что-то в письменном столе.

Но что?

Он все еще ломал голову над этой загадкой, когда бесшумно проскользнувший по коридору дворецкий молча остановился рядом с ним.

– А, Гудсон. Слуга поклонился:

– Слушаю, ваша светлость?

– Когда пришла мисс Софья?

Бесстрастное лицо сухощавого старика сморщилось, словно он отведал чего-то кислого.

– Ровно в четверть второго.

Стефан задумчиво кивнул. Сам он вернулся домой ровно в два.

– Значит, до моего возвращения она уже находилась здесь какое-то время.

– Вы сказали, что пригласили ее пользоваться библиотекой, ваша светлость. Надеюсь, я правильно сделал, что позволил ей остаться?

– Конечно, Гудсон, конечно. Не беспокойтесь. – Стефан рассеянно покрутил золотое кольцо-печатку, которую в обязательном порядке носил каждый герцог Хантли со времен Генриха Восьмого. – Вообще-то я пригласил ее для того, чтобы попытаться выяснить о ней хоть что-то, но, откровенно говоря, не рассчитывал, что она примет приглашение. Придется пересмотреть всю теорию.

Гудсон нахмурился:

– Простите, сэр?

– Я подозревал, что она прибыла в Суррей, дабы попытаться втянуть Эдмонда в безрассудные игры царя Александра. Теперь же... – Герцог нахмурился. Он не привык проигрывать и терпеть не мог, когда кто-то водил его за нос.

Мисс Софья заплатит.

А уж кару для нее он придумает.

– Я распоряжусь, чтобы ее больше и на порог не пускали, – решительно пообещал Гудсон, не догадываясь о проносящихся в голове хозяина далеко не скромных мыслях.

– Нет, Гудсон. Я хочу, чтобы вы поступили ровным счетом наоборот. Принимайте ее как самого желанного гостя.

Дворецкий сдвинул к переносице седые брови.

– Вы уверены, что так надо, ваша светлость?

– Абсолютно уверен.

– Если вы не доверяете ей, сэр, то разве не должны мы принять меры, дабы она не учинила тут беды?

– Если уж говорить откровенно, у меня нет достаточных оснований для подозрений. Может случиться, она именно та, за кого себя выдает. Другими словами, молодая русская дворянка, желающая познакомиться с английским обществом.

– Но?..

– Но если это не так, то я хочу выяснить, что именно ей нужно. И чтобы это сделать, нам следует внимательно за ней наблюдать.

Гудсон щелкнул языком.

– Значит, ей позволено свободно расхаживать по дому?

– Свободно расхаживать – да. Но при этом не спускайте с нее глаз.

– Как вам будет угодно, сэр.

Верный дворецкий тяжело вздохнул, но Стефан знал, что его распоряжение будет добросовестно выполнено. Проблема заключалась лишь в том, что деликатная ситуация требовала не только добросовестности.

– Гудсон?

– Да, ваша светлость? – Дворецкий настороженно посмотрел на него.

– Постарайтесь не перегнуть палку. Мисс Софья должна чувствовать себя в Мидоуленде как дома.

Гудсон с готовностью склонил голову:

– Очень хорошо, сэр.

Глава 4

Забыв про гордость и даже достоинство, Софья устремилась в Хиллсайд с неподобающей истинной леди поспешностью.

Ах, если бы можно было с такой же скоростью вернуться в Петербург.

И какую же глупость она совершила, согласившись приехать в Англию. Конечно, ей с самого начала было ясно, что не все так просто, как представлялось матери: проскользнуть в особняк – мимо десятка слуг – и выбраться из него с пачкой писем, хранившихся в каком-то тайнике последние двадцать лет.

Ну почему, почему ей так не везет!

С самого первого момента знакомства он наблюдал за ней с едва скрытым подозрением. А уж после того, что случилось сегодня...

Остановившись у калитки, за которой лежал сад леди Саммервиль, Софья разжала пальцы и еще раз посмотрела на заклепку с брильянтом. Вот уж невезение. Если герцог и раньше воспринимал ее с недоверием, то теперь его подозрительность только усилится.

А еще хуже безумное, необъяснимое влечение, возникающее каждый раз, как только они оказываются рядом, влечение неподвластное ее воле и угрожающее сорвать все ее планы.

В данный момент именно герцог Хантли стоял между ней и письмами, в которых она отчаянно нуждалась. А раз так, то ей нужно смотреть на него как на врага. Врага, а не джентльмена, при виде которого сердце пускается вскачь, в животе завязываются узлы и ноги становятся ватными.

Сердито качнув головой, Софья прошла в калитку и на мгновение задержалась – за спиной отчетливо прозвучали шаги. Она оглянулась, полагая, что это кто-то из слуг. В отличие от России с ее необъятными просторами английские поместья всегда кишели людьми.

Странно, но сзади никого не было. Кто-то – если этот кто-то и был – проскочил через тропинку и скрылся за деревьями.

– Эй? – осторожно позвала она, испытывая неприятное ощущение, что за ней наблюдают чьи-то невидимые глаза. – Есть тут кто-нибудь? Эй?

– Госпожа? Что вы здесь делаете?

Застигнутая врасплох, Софья резко повернулась к калитке и едва не наткнулась на свою служанку, взирающую на нее с искренним недоумением.

Софья перевела дух, приложила ладонь к груди, прислушалась к затихающему стуку сердца.

– За мной кто-то следил. Я слышала.

– Кто? Герцог?

– Я... – Она покачала головой. Нет, Стефан ни за что не опустился бы так низко, а вот ей определенно нужно взять себя в руки, чтобы не шарахаться от собственной тени. – Скорее всего, просто разыгралось воображение. И нервы шалят.

– Что ж тут удивительного. – Девушка заботливо обняла Софью за плечи и повела к дому. – Ваша матушка не имела никакого права вовлекать вас во все эти глупости.

– Ш-ш-ш. – Софья испуганно огляделась – сад был пуст. – Осторожнее.

Служанка фыркнула. Еще по пути в Англию Софье пришлось объяснить, что мать отправила ее на поиски некой спрятанной вещи. Больше она не сказала не потому, что не доверяла девушке, а потому что полагала справедливым принцип: чем меньше знаешь, тем лучше.

– Вы нашли то, что искали?

– Нет. – Софья наклонилась и сорвала розу с ближайшего куста. – Придется вернуться.

– Только не сегодня, – возразила служанка. – Вам надо отдохнуть, а еще лучше хорошенько выспаться. Больно уж вы бледная.

Стефан не стал закладывать карету, а, как обычно, предпочел пройти до Хиллсайда пешком. Разумеется, в путь, пусть и не далекий, он отправился не один. Титул герцога сам по себе обеспечивал некоторую защиту, но отчаявшийся грабитель может с одинаковой легкостью продырявить как простолюдина, так и дворянина. Кроме того, слуги пришли бы в ужас, если бы он отправился в ночь без сопровождающего. Они ожидали от него соответствующего положению поведения, и ему ничего не оставалось, как только подчиняться установленным задолго до него правилам, даже если и чувствовал, что суровый обычай начинает понемногу его душить.

Войдя в сад Хиллсайда, Стефан приказал двум грумам отправляться на кухню, где их накормят обедом, а сам, уже в одиночестве, продолжил путь по освещенной факелами тропинке. Сделав несколько шагов, он услышал неясный звук и тут же сунул руку в карман, где лежал заряженный пистолет.

Тень вынырнула из-за фонтана, но уже в следующее мгновение напряжение спало – прыгающий свет факела выхватил из темноты знакомое лицо.

– Эдмонд? Устроил засаду? – Стефан вынул руку из кармана.

Брат пожал плечами и вместо ответа скользнул взглядом по голубовато-серому сюртуку и новенькому черному жилету, отделанному золотой нитью. Стефан неловко переступил с ноги на ногу. Объяснять, зачем ему вдруг понадобилось наносить визит местному портному, не было ни малейшего желания.

– Хотел поговорить, пока мы не вошли. – По губам Эдмонда скользнула загадочная улыбка.

– Что-то случилось? – Стефан сдвинул брови. – С Брианной?

Эдмонд поднял руку:

– Не беспокойся. С ней все хорошо.

– Тогда о чем ты хотел со мной поговорить?

– Король прислал курьера. Требуется моего присутствия при дворе.

– Проклятье. – Стефан покачал головой. После смерти отца Георг стал требовать слишком многого от своих верных подданных. – Что ему нужно на этот раз?

– Якобы желает обсудить кое-какие детали приближающейся коронации.

– А на самом деле?

– Полагаю, ему нужно, чтобы я убедил Каролину, что ее присутствие на церемонии нежелательно.

Что ж, этого можно было ожидать. После нелепого суда, на котором Георгу так и не удалось аннулировать брак с женой, он делал все возможное, чтобы унижить ее.

– А разве кроме тебя улаживать семейные дразги некому? Возле него же постоянно увивается добрая дюжина лизоблюдов.

Эдмонд провел ладонью по густой шевелюре – верный признак, что он далеко не так спокоен, как могло показаться на первый взгляд.

– И ни одного с хотя бы зачаточными навыками дипломата.

– Если Каролина что-то решит, никакие дипломатические хитрости уже не помогут.

– Да, жаль, конечно, что она не осталась за границей, – пробормотал Эдмонд. – И все-таки мне ее немного жаль. Брак мог бы быть меньшей трагедией, если бы муж и его ближайшее окружение не относились к ней с откровенным презрением.

И это тоже было правдой. Король не только не выказывал супруге должного почтения, но даже не старался скрыть отвращения к ней.

– Согласен, но теперь раны лечить поздно. Ради мести она пойдет на все, а тут у нее появляется возможность публично поставить Георга в неловкое положение.

Эдмонд тяжело вздохнул.

– Что ж, я должен, по крайней мере, попытаться.

– Когда отправляешься?

– Завтра утром.

Стефан удивленно посмотрел на брата.

– Брианна, конечно, мастерица на все руки, но разве она успеет подготовиться к такому путешествию?

Эдмонд повернулся к брату.

– Брианна останется в Суррее.

– Боже. Ты уже говорил с ней? Эдмонд коротко хохотнул, и эхо запрыгало по темным уголкам сада.

– Она, мягко говоря, не обрадовалась, но в конце концов согласилась, что путешествие в карете сейчас не для нее.

Объяснение брата отнюдь не рассеяло беспокойства Стефана.

– Я рад, что она проявила благоразумие, но неужели ты действительно считаешь, что ее можно оставить здесь с мисс Софьей?

– Мой бог, Стефан, ты же не думаешь, что эта женщина приехала сюда специально для того, чтобы навредить моей жене? – раздраженно воскликнул Эдмонд.

Стефан помнил, какое смятение чувств пережил в тот миг, когда вошел в библиотеку и увидел Софью. Подозрение, недоверие, злость и неодолимое желание – все сплелось воедино. Ее простодушная красота, словно вспыхнувшая под косыми лучами солнца, поразила его.

– Я не представляю, что привело ее сюда, и это меня беспокоит.

Эдмонд сложил руки на груди.

– В таком случае тебе будет приятно узнать, что Софья тоже озабочена состоянием Брианны.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Она, похоже, считает, что из тебя получится неплохая дуэнья.

– Из меня?

– Мы решили, что Брианне и, разумеется, мисс Софье лучше перебраться в Мидоуленд до моего возвращения.

Стефан замер.

– Это мисс Софья предложила, чтобы они пока пожили в Мидоуленде?

– Да.

– Интересно.

– Заманчиво, не правда ли?

Заманчиво? При одной лишь мысли о том, что Софья будет рядом, его как будто пронзило огненное копье.

– Если она будет под одной со мной крышей, присматривать за ней не составит большого труда.

– Так ты хочешь только присматривать за ней? – с ухмылкой поинтересовался Эдмонд. – Или есть другие желания?

Стефан ответил брату простодушной улыбкой:

– Даже не понимаю, на что ты намекаешь.

– Я заметил, как ты смотришь на Софью.

– И как же?

– Как я смотрю на Брианну. Стефан покачал головой. Нет. Эдмонд увлечен своей супругой по-настоящему; его же чувства в отношении Софьи – взрывная комбинация недоверия и вожделения.

– Отрицать не стану, она – красавица.

– Хочешь затащить ее в постель? Он представил... Софья на простынях, посеребренное луной роскошное тело и аромат жасмина в воздухе.

– Моя постель и женщины, которые могут ее согреть, не предмет для обсуждения. Так что не рассчитывай.

Эдмонд усмехнулся.

– Приятно уже то, что ты отказался от идеи прожить жизнь монахом.

Стефан покачал головой. В Суррее было несколько милых вдовушек, которые весьма удивились бы, услышав такое заявление.

– Ну, не совсем монахом...

– Ах ты, хитрый лис. И кто же она?

– Сделаем так. Я приеду утром и заберу Брианну и мисс Софью, ладно? – Стефан ясно дал понять, что продолжения не будет.

Эдмонд огорченно вздохнул, но настаивать не стал.

– Так ты не против нашествия?

– Наоборот. – Стефан бросил взгляд на освещенное окно с изящным силуэтом стоящей у него женщины. – Буду ждать с нетерпением.

Жилые помещения в Мидоуленде вполне соответствовали общему уровню особняка, хотя и выглядели немного обшарпанными.

Оставшись одна, Софья прошла по маленькой, выполненной в пастельных тонах гостиной, провела ладонью по спинке софы из атласного дерева и направилась в спальню. Посередине, на персидском ковре, красовалась кровать под кремовым балдахином. Выкрашенный голубой краской потолок представлял небо с порхающими в нем крохотными ангелочками. У стены напротив окна, выходящего на декоративный пруд, стоял резной шкаф.

Пруд.

Значит, ее комнаты расположены рядом с комнатами герцогини. Софья облизала губы. Судьба улыбнулась ей еще раз.

Но особенно везучей она себя не чувствовала.

Прошлую ночь Софья почти не спала, ворочалась, думая о последствиях ее же собственного предложения перебраться на время в Мидоуленд. С одной стороны, она получала прекрасную возможность заняться поисками писем, с другой – отлично понимала, что может попасть в ловушку.

От других аристократов герцог Хантли отличался прежде всего умом. Впуская под свою крышу женщину, которой не доверяет, он определенно уже приготовил какой-то свой, дьявольский план.

Оставалось только надеяться, что ей удастся его перехитрить.

В комнате было жарко, но она поежилась. Потом решительно тряхнула головой, отогнала трусливые мысли и принялась за дело, начав со шкафа. Конечно, гостевая комната не самое подходящее место, чтобы прятать письма, но Софья не собиралась ничего оставлять на волю случая.

К тому же она не могла заняться комнатами герцогини, не убедившись, что за ней никто не наблюдает.

Не обнаружив в шкафу ничего, кроме одежды, которую несколько минут назад положила туда служанка, Софья перешла к трюмо и выдвинула ящики. В одном нашлось сереб-

ряное зеркало и щетка для волос, а также пара флаконов с духами. Она уже выдвинула нижний, когда знакомое покалывание у основания шеи подсказало, что за ней кто-то наблюдает.

Толчком задвинув ящик, Софья выпрямилась и повернулась – Стефан стоял, небрежно прислонясь к двери и сложив руки на груди.

Она видела герцога всего лишь час назад, но едва их взгляды встретились, как сердце уже привычно дрогнуло.

Его красота действовала на нее безотказно. Даже в простом сюртуке и потертых кожаных панталонах он выглядел так, что у любой женщины захватывало дух.

– Ваша светлость, – пробормотала она, не смея опустить глаза и убедиться, что ее белое муслиновое платье с черной отделкой на лифе и мелким жемчугом по подолу не помялось при переезде. Плохо было то, что правая рука уже невольно вскинулась к сложному узлу на макушке.

– Хотел убедиться, что вы разместились. Вас все устраивает?

– Вполне. Спасибо.

Его взгляд задержался на трюмо у нее за плечом.

– Вы, кажется, что-то искали. Если что-либо нужно, только скажите...

– Мне ничего не нужно, спасибо. Проверяла, все ли захватила служанка, – торопливо объяснила она.

– Понятно. – Лицо его сохранило бесстрастное выражение. – И что она, ничего не забыла?

– Вроде бы ничего.

– Если чего-то недостает, дайте знать, и я отправлю в Хиллсайд кого-нибудь из слуг.

– Вы очень добры.

Герцог улыбнулся:

– Хочу, чтобы вы чувствовали себя в Мидоуленде как дома.

Она попыталась сглотнуть, но во рту пересохло. Боже, в этом доме, под этой крышей ее поджидает слишком много опасностей.

– Где Брианна?

– Прощается с Эдмондом.

– Понятно. Может быть, мне тоже попрощаться с ним.

Стефан рассмеялся, и у нее по спине побежали мурашки.

– Сомневаюсь, что они так уж обрадуются вашему присутствию.

Она закусила губу.

– О... я не подумала...

– Хмм. – Он вдруг поднял руку и провел пальцем по ее щеке. – Интересно, этот румянец настоящий? Вы и впрямь такая простодушная, какой кажетесь?

Софья отстранилась и сделала пару шагов назад, пока не наткнулась на спинку кровати. От одного лишь прикосновения внутри у нее как будто закружился смерч.

– Ваша светлость...

Не говоря ни слова, герцог подошел к ней так близко, что она даже сквозь платье ощутила идущий от него жар.

– Меня зовут Стефан. – Он нависал над ней, и его взгляд обжигал ее губы. – Скажите.

Дай пощечину, шептал голосок в голове. Осади наглеца. Ты совершишь огромную ошибку, если позволишь ему найти твою слабость и подскажешь, в чем его сила.

Но как услышать голос рассудка, когда тело тает от приятного голоса, а сердце отбивает сумасшедший ритм? Разве можно думать о чем-то, когда все затмевает резкий мужской запах?

– Стефан, – выдохнула она.

Он наклонился к пульсирующей у основания шеи тонкой голубой жилке, коснулся ее губами.

– Еще раз. Она задрожала.

– Стефан.

– Чудесно. – Его рука скользнула по талии. – Вы чудесны.

Чувствуя, что вот-вот упадет, Софья ухватила за отвороты его камзола.

– Почему вы так себя ведете? – Голос сломался на середине фразы.

Его пальцы неспешно прошли по краю лифа, оставляя за собой цепочку горячих следов, рассылая по всему телу тысячи тревожных сигналов.

– Потому что я должен знать.

– Знать что? Его рот проложил тропинку вверх по шее.

– Такая ли гладкая у вас кожа, какой я ее представлял. – Он уткнулся во впадинку за ухом. – Пахнут ли ваши волосы жасмином. – Губы двинулись дальше и ниже, по щеке, к уголку рта. – Такие ли сладкие у вас губы, какими они кажутся.

– Вы не можете...

Он перебил ее самым дерзким, самым бесстыдным образом – впился в ее губы обжигающим поцелуем.

Дыхание застряло где-то в горле, и сердце позабыло о своих обязанностях. Губы раскрылись, как раскрываются ворота побежденного города. Ее целовали многие, а некоторые даже демонстрировали присутствие каких-то навыков. Но никогда еще столь простая ласка не прожигала ее насквозь, не сносила все выставленные преграды с такой легкостью.

Губы пахли виски, как будто он хлебнул перед тем, как войти в ее комнату, а язык, ворвавшись в ее рот, исполнял там некий эротический танец. Голова уже кружилась, дурманящий мужской запах пьянил, а проворные пальцы по-хозяйски тискали грудь.

Ее трясло, а губы охотно подчинялись его губам, не желая противиться навязываемому им ритму. Именно этого она и хотела с того самого момента, когда впервые увидела герцога Хантли.

Где-то в глубине ее естества распускался бутон наслаждения, и его лепестки рассылали волны удовольствия по всем направлениям, во все, самые далекие точки.

Все утро она готовила себя к противостоянию, к отражению неизбежного штурма. Все утро она расхаживала по комнате, убеждая себя, что ее не может тянуть к герцогу, что никаких причин для этого нет, что она все придумала. Все утро она напоминала себе, что не может и не должна позволять ничего такого, что отвлекало бы от главной цели.

И вот она уже тает в его объятьях, не успев как следует разложить вещи.

Упершись обеими руками в его грудь, Софья отвернула лицо от обжигающих поцелуев.

– Нет... нет... это слишком...

– Что?

– Слишком опасно.

Он слегка отстранился и посмотрел на нее потемневшими от желания глазами.

– Боитесь?

Сердце колотилось, колени дрожали, но она знала, что страх тут ни при чем.

– Нет... хотя и следовало бы... Щеки ее горели, глаза затуманились.

– Вас ждет в России любовник? Она напряглась – какой грубый вопрос.

– Конечно нет.

– Поверьте, вы вовсе не шокировали бы меня признанием. Вы – воплощение соблазна, устоять перед которым способны немногие мужчины.

– Только потому, что моя мать... Стефан нахмурился, и она не договорила.

– К вашей матери это не имеет никакого отношения.

Софья выскользнула из объятий и, прижав руку к животу, где творилось что-то непонятное, настороженно посмотрела на герцога.

– Пожалуйста, ваша светлость, служанка вот-вот вернется.

– Называйте меня Стефаном, – напомнил он.

– Хорошо. – Она раздраженно выдохнула: – Стефан.

Сдержанно поклонившись, герцог повернулся к двери, и Софья вдруг поняла, что упускает отличный шанс.

– Ваше... – Он обернулся, и она, наткнувшись на суровый взгляд, торопливо исправилась: – Стефан...

– Да?

– Надеюсь, вы не будете возражать, если я осмотрю ваш чудесный дом?

Невинная просьба, вполне естественный интерес, но его что-то насторожило. Что? В какой-то момент герцог напомнил ей... кого?.. Заметившего добычу хищника?

– С удовольствием составлю вам компанию перед обедом.

– Спасибо, но... – Она прокашлялась. – Мне не хотелось бы отвлекать вас от дел. Если вы не против, я справлюсь сама.

Он медленно склонил голову в знак согласия:

– Как пожелаете.

Дверь за ним наконец закрылась. Софья без сил опустилась на край кровати и закрыла лицо руками. Ее все еще трясло, как будто тело, не получив желаемого, затаптывало разгоревшийся пожар.

– Матушка, во что вы меня втянули? – прошептала она, качая головой.

Выйдя в коридор, Стефан остановился. Желание еще гудело в крови, разносившей его, как ветер разносит лесной пожар.

Проклятье.

Он зашел к ней нарочно, рассчитывая застать врасплох. Не бог весть какой хитроумный план, но задумка удалась. Она выдвигала ящики трюмо и явно что-то в них искала. Что-то спрятанное – по крайней мере, так она считала – в Мидоуленде.

Но что? Ответа у него не было.

А уже через пару секунд все мысли вылетели из головы.

Софья стояла у кровати, окруженная ароматом жасмина, и он, словно отведав приворотного зелья, забыл обо всем на свете.

Если бы она не оттолкнула его, он овладел бы ею прямо там, в комнате, на той кровати под балдахином.

Надо было так и сделать. Дать волю страсти. Выплеснуть все то, что ревело, бушевало и требовало выхода.

– Сэр. – Знакомый голос дворецкого произвел такой же эффект, как если бы его бросили в замерзающее озеро.

Волна вожделения схлынула – хотя Стефан и не сомневался, что она вернется и не уйдет, пока он не подомнет под себя эту русскую гордячку, – и ему даже удалось натянуть непроницаемую маску собранности и деловитости.

– Да, Гудсон? Что у вас?

– Может быть, и ничего, сэр, но я подумал, что вам стоит знать.

– Что?

– Бенджамин поймал двух разбойников в роще к югу от дома.

– Браконьеры? – нахмурился герцог.

Гудсон развел руками.

– Они утверждают, что остановились в ближайшей деревне и просто любовались окрестностями.

– Вооружены?

– Да, сэр. По словам Бенджамина, говорили с каким-то странным акцентом. – Дворецкий выдержал многозначительную паузу. – Определенно не французским.

Стефан сжал кулаки. Иностранцы. Уж не связаны ли как-то с Софьей?

Нужно выяснить. А сделать это можно только одним способом.

– Пусть Бенджамин сходит в деревню и разыщет там этих чужаков. Хотелось бы знать, где они остановились.

Гудсон кивнул и, поворачиваясь, мельком взглянул на дверь.

– Что с мисс Софьей?

– Ею я займусь сам. Слуга неодобрительно нахмурился:

– Как пожелаете, сэр.

Глава 5

Прошло два дня. Софья и Брианна неспешно прогуливались по парку.

Покойная герцогиня имела все основания гордиться этим чудесным воплощением ее идей.

Главный проход был вымощен светло-розовым камнем. Расположенные по обе стороны от него фонтаны украшали статуи сирен. В конце дорожки располагался окруженный мраморными скамьями пруд, в центре которого возвышалась большая позолоченная статуя Аполлона в компании изрыгающих воду львов.

Дорожки поменьше вели к цветочным клумбам, обсаженным аккуратно подстриженными кустами, а за прудом находился симпатичный грот, позволявший полюбоваться окружающим пейзажем.

Послеполуденное солнце пригревало, и Софья с удовольствием ощущала, как расслабляются напрягшиеся члены.

Последние дни оказались, мягко говоря, нелегкими.

Она, конечно, понимала, что Стефану приходится содержать немалый штат прислуги, но и представить не могла, что ее окажется так много. Горничные, камеристки, пажи, лакеи, экономка, дворецкий... Куда бы ни направилась Софья, ей нигде не удавалось остаться в одиночестве.

И даже посреди ночи, когда она предприняла попытку пробраться в спальню герцогини, в коридоре вдруг появился одетый по полной форме слуга, единственная обязанность которого заключалась, похоже, в том, чтобы приглядывать за свечами.

Наверное, с таким же успехом она могла бы попытаться украсть драгоценности короны.

В довершение всего ей приходилось проводить немало времени в обществе герцога.

Держался он неизменно вежливо и даже любезно. Да и как иначе, если рядом постоянно находилась Брианна? Но она непрестанно ощущала на себе его тяжелый взгляд, в котором недоверие смешивалось с откровенным вожделением.

Запутавшись в мыслях, Софья не заметила, как остановилась, и вздрогнула, когда Брианна коснулась ее руки.

— И как?

Повернув голову, она увидела, что спутница, вероятно объяснив ее задумчивость впечатлением от красот местного ландшафта, выжидаяще на нее смотрит.

— Чудесно, как вы и обещали, — сказала Софья, радуясь возможности отвлечься от беспокойных дум. — Так напоминает дом...

Брианна улыбнулась. Волосы ее под солнцем вспыхнули веселым пламенем. Будь Софья завистлива, она, наверное, возненавидела бы эту изящную, миловидную женщину со слегка раскосыми зелеными глазами и идеальными чертами тонкого лица. Даже в простеньком утреннем платье из французского шелка она, казалось, лучилась мягкой женственной красотой. Софья, выглядевшая мило в полосатом розовом платье с атласными цветочками по кайме, понимала, что особенная, драматическая привлекательность Брианны — это редкий дар природы и она сама им обделена.

Чуждая, к счастью, зависти, она легко позволила себе подпасть под безыскусное очарование Брианны.

— Да, герцогиня требовала, чтобы этот парк напоминал ей о том, который она знала еще девочкой в Петербурге. Она всей душой любила Мидоуленд, но никогда не забывала Россию. Несомненно, именно поэтому Эдмонд по достижении совершеннолетия и предложил свои услуги вашему императору.

– Нынешний герцог симпатий брата к России, кажется, не разделяет, – заметила Софья.

– Вы правы, – легко согласилась Брианна. – Стефан – истый англичанин. На первом месте для него интересы поместья и короны. На нем лежит большая ответственность за людей, которые от него зависят.

– Я заметила, – сухо сказала Софья, думая о заполнявших дом неприветливых слугах.

– Стефан – прекрасный герцог. Такой же, каким был его отец.

Подозревая, что Брианна знает и видит намного больше, чем может показаться со стороны, Софья остановилась у ближайшего розового куста.

– Какая прелесть. А вы хорошо знали покойного герцога?

– Да. – Брианна со вздохом опустила на скамейку. – Когда герцог с герцогиней умерли, я была в Лондоне, но еще в детстве проводила здесь много времени. Мои родители... скажем так, для семейной жизни они предназначены не были, а уж для выполнения родительских обязанностей тем более. Утешение и радость я находила только в Мидоуленде, где меня всегда принимали благожелательно и тепло, как свою. – Она оглянулась на особняк. – Этот дом был местом радости и любви.

Софья кивнула. Она и сама ощущала то счастье, которое как будто впитали старинные камни Мидоуленда и которое только ждало подходящего момента, чтобы снова наполнить здешний воздух.

– Вы предполагали тогда, что выйдете замуж за Эдмонда?

– Боже мой, конечно нет. – Брианна звонко рассмеялась. – Эдмонд пугал меня. Мне гораздо ближе был Стефан.

Странно, но Софья ощутила острый укол ревности. Разумеется, она понимала, что Брианна всем сердцем предана лорду Саммервиллю, но видела и то, что Стефан занимал и занимает в ее душе особое место.

– Понимаю.

– Он был мне как брат, – продолжала Брианна с какой-то особенной, как показалось Софье, теплотой. – Теперь он мой настоящий брат. Я очень этому рада.

Софья погладила бархатистый лепесток.

– Я, разумеется, не так хорошо знакома с братьями, но должна признаться, что герцог... – она помолчала, подыскивая подходящее слово, – пугает меня больше, чем ваш муж.

– Вы очень проницательны.

Повернувшись, Софья наткнулась на удивленный взгляд Брианны.

– Почему вы это сказали?

– Многие видят спокойные манеры Стефана, его неприятие глупости света, но не замечают за внешним спокойствием и самообладанием огромного ума и железной воли. – Брианна помолчала, потом добавила: – Я бы не хотела перейти ему дорогу.

Софья невольно поежилась.

– Я тоже.

– Но при всем этом Стефан – человек необычайно преданный и готов на все, чтобы защитить тех, кого любит.

Софья снова отвернулась к розовому кусту. Этот человек, герцог Хантли, будоражил ее воображение, волновал и беспокоил, а интерес к нему разгорался все сильнее.

– Удивительно, что он еще не женат.

– Не забывайте, что Стефан и Эдмонд воспитывались в особенной семье, что их родители искренне и глубоко любили друг друга. Такие же отношения они хотят видеть и в своих семьях.

Софья едва сдержала вздох разочарования. Как же глупо. Разумеется, такой джентльмен, как Стефан, выберет в супруги женщину, которую сможет любить безоговорочно, безусловно. Женщину, наделенную в равной степени красотой, благородством и очарованием.

Женщину твердых моральных устоев, которой сможет доверять всегда и в любых обстоятельствах.

Она поспешила отогнать опасные мысли. Следующая герцогиня Хантли не ее забота.

– Эдмонд уж наверняка нашел то, что искал, – пробормотала она.

– Да. У Стефана с этим может быть не так просто, – усмехнулась Брианна. – Конечно, и у нас с Эдмондом были трудности, но ведь Стефан так поглощен своими обязанностями. Думаю, в глубине души он боится, что так или иначе подведет отца. Смешно, конечно, но...

– Но он чувствует бремя ответственности? – закончила за нее Софья.

– Да, слишком остро. Стефан просто не дает себе возможности познакомиться с женщиной, которая смогла бы завоевать его сердце. Я даже беспокоюсь за него.

Софья пожала плечами:

– Он еще молод.

– И необыкновенно хорош собой, – добавила Брианна. Как будто Софье требовалось это напоминание. Как будто она могла забыть неодолимую силу его притягательности. – Какая несправедливость, что двум мужчинам досталось столько красоты. В их присутствии я чувствую себя такой... простушкой.

– Прекрасно вас понимаю, – хмыкнула Софья.

– Может быть, – задумчиво кивнула Брианна.

Софья напряглась. Похоже, ее спутница слишком хорошо представляла, каково приходится той, на кого обратил свое внимание герцог Хантли.

Решительно расправив плечи, она напомнила себе, что приехала в Англию с определенной целью, а не для того, чтобы предаваться мечтам о Стефане.

– Вы хорошо знали герцогиню? – как бы между прочим поинтересовалась Софья.

– Герцогиня всегда была очень добра ко мне.

– Как и к моей матери. Они были большими подругами. Уехав из России в Англию, она поначалу чувствовала себя очень одинокой, и они долго переписывались. – Софья искоса взглянула на Брианну. – Вам не попадались их письма?

– Письма? Нет, не припоминаю. – Брианна нахмурилась. – Подождите... О, конечно.

– Да?

– Помню, я как-то спросила Эдмонда, почему они со Стефаном так не любили своего кузена Говарда Саммервиля. – Она состроила гримасу. – Говард жил недалеко отсюда, мы иногда встречались, и я знала, что он зануда и ябеда, но они просто на дух его не переносили. Мне казалось, что это уже чересчур.

Софья вымученно улыбнулась, не понимая, какое отношение имеет Говард Саммервиль к письмам ее матери.

– И что сказал Эдмонд?

– Сказал, что Говард постоянно клянчил у них деньги и что несколько раз они ловили его на том, что он крал вещи из Мидоуланда, чтобы продавать их в Лондоне.

– Мой бог! Какой ужас.

– Обычно он крал какие-то небольшие предметы, табакерки или статуэтки, но однажды Стефан застал кузена в комнате герцогини, где тот рассовывал по карманам старые письма.

– Письма? – Софья так сжала цветок, что розовые лепестки посыпались на дорожку. Неужели Говард Саммервиль прочитал письма? Если так, то не он ли шантажировал ее мать? – Вы уверены?

– По крайней мере, так сказал Эдмонд. А что?

– Странно, что кому-то понадобились старые письма.

– Говарду здорово за них досталось, – рассмеялась Брианна. – Стефан разбил ему нос и сломал три ребра. Эдмонд едва оттащил брата.

Софья замерла.

– Понятно.

– Я не хочу сказать, что Стефан склонен к насилию, но память о родителях очень ему дорога.

Страх, не отпускавший ее несколько последних дней, точно стальным кольцом сжал сердце.

Конечно, Стефан не поднял бы на нее руку, если бы узнал, что она ищет. В конце концов, он джентльмен и воспитан в соответствующем духе. Но он возненавидел бы ее.

И имел бы на то полное право.

– Его можно понять, – прошептала она.

– Кузена Стефан так и не простил, – продолжала Брианна, не замечая, какое впечатление произвел ее рассказ на Софью.

Итак, письма хранились в спальне герцогини. Но какие письма? Те ли, которые она искала?

Софья вздрогнула – из-за куста вдруг выскочил и запрыгал перед ней огромный пес.

Она испуганно вскрикнула, а Брианна рассмеялась:

– Не бойтесь. Пак никого не обижает. Верно, дружок?

– Пак? Его зовут Пак?

– Вообще-то Пак Второй, – ответил знакомый голос, и Софья повернулась. Из-за фонтана вышел Стефан.

– Вы сегодня рано вернулись. – Брианна поднялась со скамейки и с улыбкой шагнула навстречу деверю. – Мы ждали вас только к обеду.

– Трудно заниматься очисткой сточных канав, когда под твоей крышей гостят две такие красавицы, – усмехнулся герцог, не отводя глаз от одной из них.

– Он имеет в виду вас, Софья, – рассмеялась Брианна. – Стефан столько раз забывал о своих обещаниях заглянуть на чай в Хиллсайд, что я уже перестала обижаться.

– Если я не приходил, то только из-за вашего ревнивца-мужа. С ним даже ваш бисквит в рот не лезет.

– Вы отъявленный лгун, а мне пора немного отдохнуть. – Брианна с явным удовлетворением перевела взгляд со Стефана на Софью. – Жуткое неудобство, постоянно хочется прилечь.

С опозданием вспомнив о манерах, герцог взял руку невестки и склонился над ней в поцелуе.

– Чудесное неудобство.

– Да.

– Если что-то понадобится, не стесняйтесь и сразу же зовите.

– Сейчас мне ничего не нужно, только бы вытянуть ноги. Увидимся за обедом.

Глядя Брианне вслед, Софья вдруг поняла, что осталась с герцогом наедине. Сердце беспокойно затрепетало. В последнее время она делала все возможное, чтобы избежать именно такой ситуации.

– Я, пожалуй...

Договорить она не успела – Стефан быстро шагнул к ней и схватил за руки.

– Нет.

Он не мог оторвать глаз от этого лица. Лица, что преследовало его повсюду, что вторгалось даже в сны. Эти чистые, невинные синие глаза. Эти тонкие черты. Этот упрямый подбородок.

Эти роскошные губы, казалось умолявшие о поцелуе.

Господи. Как же он устал. Устал ждать, когда она объяснит истинную цель своего приезда в Англию и настойчивого стремления в Мидоуленд. Устал играть роль радушного хозяина.

Он хотел владеть ею. И к дьяволу все остальное.

Словно ощутив повисшее в воздухе напряжение, Софья облизала высохшие вдруг губы и опустила потемневшие от нарастающего желания глаза. Скрыть то, что переполняло ее, было уже невозможно.

– Нет? Вы о чем?

– Вы ведь хотели сказать, что вам нужно позаботиться о Брианне, укрыть бедняжку пледом или принести ей воды. Или, может быть, вам внезапно потребовалось переодеться. В последние дни вы избегали меня под любым предлогом.

Его насмешливый тон задел ее.

– Если вы так уверены, что я избегаю вас, то зачем настаивать, чтобы я осталась? Не странно ли?

Он сжал пальцы на ее запястье и, повернувшись, потащил за собой по дорожке.

– Приложив столько сил к тому, чтобы вы чувствовали себя в Мидоуленде как дома, разве не заслуживаю я права знать, в чем причина вашего нежелания быть в моей компании?

Софья опустила голову, боясь, что лицо выдаст ее столь тщательно скрываемые чувства.

– Это не так.

– Тогда почему вы избегаете меня? Из-за того, что я поцеловал вас?

– Вам не следовало так делать.

Он невесело усмехнулся. Неужели она думает, что мужчина волен следовать голосу рассудка в таких делах?

– Может быть, и не следовало, но такого рода соображения меня не остановят.

Стефан почувствовал, что она дрожит, и прибавил шаг, направляясь к уединенному гроту за небольшим декоративным прудом. Если он не поцелует ее прямо сейчас, то просто сойдет с ума.

Оказавшись в тени грота, расписанного чудесными греческими фресками, он заключил ее в объятия и крепко прижал к себе. Софья охнула.

– Вы поэтому вернулись так рано? – Она обожгла его сердитым взглядом, но внизу горла уже затрепетала тонкая голубая жилка.

Гостя из России могла изображать равнодушие, но все ее тело говорило о другом, выдавало желание и страсть.

– Я вернулся, потому что не мог оставаться вдалеке от вас. – Герцог прижался к изгибу ее шеи. – Жасмин.

– Что?

– Вы пахнете жасмином.

Она содрогнулась, но подняла руки и вцепилась в его плечи.

– Стефан, что вам нужно от меня?

– А разве не понятно? – Он отстранился и посмотрел ей в глаза с мрачной решимостью. Его пальцы уже боролись с ленточками шляпки, легко справляясь с узелком под подбородком. – Я могу объяснить подробнее.

Шляпка полетела на каменный пол, и Софья раздраженно фыркнула:

– Вы уронили мой любимый капор.

Лоно уже горело, мышцы напряглись.

– Милая вещица, но я предпочитаю более естественную красоту. – Так же ловко он вытащил украшенные жемчугами заколки, и золотистые пряди рассыпались по плечам. Застонав от нетерпения, герцог погрузил пальцы в густую россыпь кудрей.

– Золотой шелк...

Она попыталась оттолкнуть его, но только еще крепче вцепилась в плечи.

– Вы хотите отвлечь меня.

Он скользнул губами по лбу, задержавшись на бешено пульсирующей жилке у виска.

– И как, получается?

– Будьте вы прокляты, – прошептала Софья.

– Что за выражения. Эти губки предназначены для другого. – Он наклонился и припал к ее роту жадным поцелуем. Язык раздвинул трепещущие губы и двинулся дальше, собирая сладкий вкус невинности. Кровь загудела, понеслась по жилам, подчиняясь голосу изголодавшейся плоти. Софья замерла на мгновение, словно застигнутая врасплох этим вторжением, и с тихим вздохом отчаяния прижалась к нему. – Да, – прохрипел он, шаря по ее спине, отыскивая и торопливо расстегивая жемчужные пуговички.

Покрыв поцелуями ее глаза, нос, щеки, он вернулся к раскрытым в ожидании губам и заодно потянул с ее плеч платье. Ткань с легким шорохом соскользнула к ногам.

Софья застонала и, запрокинув голову, посмотрела на него замутненными желанием глазами.

– Слуги...

– Здесь они нас не побеспокоят, – пообещал Стефан, прижимаясь губами к той ямочке у основания шеи, прикосновение к которой неизменно повергало ее в дрожь.

– Они знают, что вы всегда заманиваете сюда несчастных женщин? – прошептала Софья.

– Несчастных? – Он рассмеялся, прижимая ее к стене и запуская пальцы в вырез сорочки. Кожа у нее была мягкая и нежная как шелк. – Вы самая опасная женщина из всех, которых я встречал. Император мудрее, чем я думал.

У нее перехватило дыхание.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ответы знаете вы, а не я, – пробормотал он. Выяснение правды интересовало его куда меньше, чем избавление от кружевного корсета. Вслед за ним на землю упала и тонкая сорочка. Софья поежилась, и герцог заключил ее в объятия.

– Стефан... – выдохнула она, когда он захватил губами набухший сосок. – О...

– Ш-ш-ш, любовь моя, – пробормотал герцог, жадно исследуя изгиб ее груди и поглаживая трепещущие бедра.

Ее тело ласкало глаз совершенными формами, соблазнительными изгибами, безукоризненной, нежнейшей кожей. Хрипло выругавшись, Стефан сорвал платок, сбросил нетерпеливо сюртук и жилет и, стащив через голову рубашку, схватил Софью за руки.

– Погладь меня.

Она выгнулась назад и устремила на него тревожный взгляд.

– Я вас предупредила... не путайте меня с моей матерью.

– Да, вы что-то говорили, хотя я и понятия не имею, при чем здесь ваша мать, – прорычал он.

Руки ее дрожали, но она не убирала их с его груди.

– Вы не первый джентльмен, полагающий, что я жажду мимолетного романа и доступна только потому, что у моей матери была связь с императором.

В ее широко раскрытых глазах была такая боль, что в какой-то момент его сердце дрогнуло. Она выглядела такой невинной, такой беззащитной с этими горящими щеками и обрамляющими тонкое личико золотистыми кудрями. Сидевший глубоко в нем защитный инстинкт подал голос, и по спине пробежал тревожный холодок.

Что же скрывается за этим ангельским личиком? Сердце змеи? Нет, он будет глупцом, если поверит ей.

– Вы не первая женщина, отвечающая на мои поцелуи в надежде заманить в свои сети и склонить к женитьбе английского герцога, – спокойно возразил Стефан.

Она вздрогнула и покраснела, словно его слова задели ее гордость.

– Я бы никогда...

– И я тоже, – бесцеремонно перебил Стефан. – Я хочу вас. – Он подкрепил свое желание требовательным поцелуем. – Вы нужны мне. Все просто.

– Боже, – прошептала она, упираясь пальцами в его грудь, когда он снова припал к темному бугорку соска. – Все совсем не просто.

И конечно, она была права.

Просто вожделение, но это...

Усилив волю заглушая голос рассудка, звучавший где-то в затылке, Стефан раздвинул коленом ее ноги и пробежал пальцами по чуткой атласной коже.

Она тихонько вскрикнула от наслаждения, и он тут же поспешил запечатать предательские уста обжигающим поцелуем. Герцог не боялся, что их обнаружат, но опасался привлечь внимание какого-нибудь дурачка, который может по неразумению открыть дверь и помешать ему довести дело до конца.

Софья не только приняла поцелуй, но и вернула его с неожиданной живостью. Ее ноготки вонзились в обнаженные плечи. Рыкнув от удовольствия, Стефан нащупал заветную щель. Плоть уже дала сок, и палец легко раздвинул влажные складки. Пульс страсти нарастал, напряжение достигло предела, требуя немедленной разрядки.

Направляемый сдавленными стонами, он погрузил палец глубже, подводя ее к пику наслаждения. Она заерзала, задвигала бедрами, ища выхода сковавшему мышцы напряжению.

– Полегче, – прошептал герцог и, схватив ее блуждающую бесцельно руку, прижал к распираемой желанием плоти.

Она осторожно сжала пальцы, и он захрипел от нестерпимого наслаждения.

Удерживая одной рукой ее руку, он продолжал другой вести ее дорогой сладострастия. Тишину грота нарушало только их прерывистое дыхание.

– Стефан... мне нужно...

– Знаю, моя голубка. Доверься мне, – пробормотал он, не слыша заключенной в этих словах иронии.

Мыслей не было – было только прекрасное лицо, налитые страстью глаза и рот, раскрытый в немом крике наслаждения.

Ее первый вкус страсти. Первый, но не последний.

Руки ее сплелись у него за спиной, и Стефан, застигнутый врасплох, глухо застонал, подался с силой вперед, и в тот же миг накопившееся напряжение взорвалось. Хватая ртом воздух и пытаясь устоять на ногах под порывом агонизирующей страсти, он тяжело налег на нее.

Боже, что же сделала со мной эта женщина?

Глава 6

Эхо призывающего к обеду гонга разнеслось по особняку, и Софья, дождавшись, пока оно замрет, пробежала по пустому коридору и проскользнула в комнату герцогини.

Конечно, она понимала, что рискует. Большинство слуг были заняты в кухне, где одни помогали готовить, а другие уже потребляли приготовленное, но некоторые постоянно слонялись по дому, и от их глаз не укрывалось ничего.

С другой стороны, что еще оставалось? Можно было бы, конечно, попытаться и даже убедить себя в том, что, уступив домогательствам Стефана, она успешно отвлекла его от той цели, ради которой и приехала в Суррей, но Софья не позволяла себе обманываться.

Случившееся в гроте не имело никакого отношения ни к ее планам, ни к ее преданности России. Она просто не нашла сил оказать обворожительному герцогу достойное сопротивление. И каждый миг в его обществе лишь усиливал его чары.

Нужно найти письма и сбежать из Мидоуланда прежде, чем нежелание обманывать Стефана перевесит верность матери.

Приняв решение, Софья дала знать в кухню, что пообедала у себя в комнате, куда и следует прислать поднос с блюдами, убедилась, что Стефан и Брианна прошли в столовую, и, поставив свою служанку у подножия лестницы в качестве часового, метнулась наверх.

Держа в руке свечу, она вошла в спальню герцогини и торопливо огляделась.

В отличие от большинства других помещений деревянные стенные панели были заменены здесь розовыми камчатными. Узорчатый потолок украшала золотая кайма, а из середины его свисала хрустальная люстра, моментально поймавшая огонек свечи и отразившая его десятками граней. Возле беломраморного камина стояла широкая кровать, укрытая изумрудно-зеленым бархатным покрывалом – в тон подушечкам на золоченых стульях.

Пустая, нежилая комната содержалась в безукоризненной чистоте, а значит, уборка проводилась здесь регулярно и кто-то из слуг мог появиться в любой момент. Чем быстрее она закончит обыск, тем лучше.

Вот только с чего начать и где искать?

За картинами Гейнсборо и Рейнолдса в роскошных золоченых рамах вполне мог поместиться потайной сейф, в углу стояли два шкафчика красного дерева, напротив – письменный стол и инкрустированное французское бюро.

А ведь она еще не входила в будуар за закрытой дверью.

Софья шагнула к письменному столу. Почему бы и нет? Если письма пишут за столом, то почему бы не хранить их там же?

Логика, однако, не принесла плодов. В ящиках обнаружили только самые обыкновенные письменные принадлежности: бумага, перья, чернила, воск и личная печать герцогини.

– Господи! Где же они могут быть?

Она уже перешла к бюро, когда дверь открылась, и служанка, просунувшись в комнату, отчаянно замахала рукой.

– Герцог поднимается, – прошипела она. – Поторопитесь.

– Проклятье. – Софья пробежала через комнату, выскочила в коридор и, схватив служанку за руку, потащила за собой.

– Ну почему бы ему не оставить меня в покое? – прошептала она, злясь и на того, чьи шаги уже приближались, и на себя саму, чье сердце уже радостно скакало в груди.

– Да уж, – фыркнула многозначительно служанка, с хитрым видом поглядывая на хозяйку. – Хотелось бы знать.

Софья покраснела.

– Он меня подозревает. Думает, что я в Суррее не просто так.

– Почему это он вас подозревает?

– Герцог, кажется, думает, что я приехала сюда, чтобы по поручению императора втянуть его брата в какую-то интригу.

– Вон оно что, – кивнула девушка. – Говорят, лорд Саммервиль оказал кое-какие услуги царю Александру. Может быть, у герцога есть основания для беспокойства.

– Если бы Александр Павлович хотел заручиться помощью лорда Саммервиля, меня бы он послал в последнюю очередь. Ему не до меня.

– У такого человека забот хватает, – пробормотала служанка.

Конечно хватает, подумала Софья. На плечах императора лежала огромная империя. Но разве от этого легче? Месяцами и даже годами не получая от него никаких вестей, она порой чувствовала себя брошенной, никому не нужной.

Наверное, отсутствие в ее жизни отца было бы не так заметно, если бы мать проявляла больше внимания к дочери.

Разумеется, Мария любила Софью, но на дочь ей постоянно не хватало времени. Да и откуда взяться этому времени, если все силы уходили на борьбу за место в свете и участие в опасных политических играх, целью которых было сохранение Александра Павловича на троне. И в этих играх в ход пускались все средства.

В результате получилось так, что воспитывала Софью няня-англичанка и череда сменявших одна другую гувернанток, ни одна из которых не задерживалась больше чем на несколько месяцев.

Удивительно ли, что она никогда не чувствовала себя по-настоящему кому-то нужной?

– Ну, забот у всех хватает, – буркнула Софья, втаскивая служанку в свою гостиную и закрывая за собой дверь.

Затем, словно для того, чтобы еще надежнее защититься от незваного гостя, проследовала в спальню и подошла к окну.

– Сказать герцогу, что вы не принимаете? – спросила служанка.

Софья обняла себя за плечи.

– По крайней мере попробуй.

Взгляд ее остановился на далеком озере, отражавшем тающий в приглушенных красках закат. Но насладиться красотой не получилось – из коридора донесся сначала звонкий голос служанки, а затем короткий ответ герцога.

Служанка не сдавалась, продолжала спорить, и губы Софьи дрогнули в невеселой усмешке. Преданная девушка всегда защищала хозяйку до последнего, но против Стефана у нее не было ни малейшего шанса. Он, может, и прятал свой крутой нрав за любезностью и вкрадчивостью, но менее опасным от этого не становился.

А если уж совсем откровенно, то более грозного джентльмена Софья еще не встречала.

Служанка наконец умолкла, вся ее воинственность разбилась о спокойную неуступчивость герцога. Звук шагов... и дверь закрылась. Софья осталась у окна и даже не обернулась, хотя острый мужской запах уже наполнил комнату, и по спине побежали мурашки.

– Мне казалось, мы достигли понимания и покончили с вашими играми, – бросил он ей в спину.

– С какими играми?

Он взял ее сзади за плечи и повернул лицом к себе.

В глубине его глаз уже вспыхнул и разгорался знакомый огонь.

– Вы не сможете меня избегать.

– Похоже на то, – бросила она, стараясь не замечать растекающейся по телу жаркой волны. – Что вы сделали с моей девушкой?

Его тяжелый взгляд наткнулся на щит ее упрямства.

– Я предложил ей спуститься вниз и пообедать с другими слугами. Несправедливо, что бедняжка страдает из-за трусости хозяйки.

– Я вас не боюсь. Просто устала. И раз уж вы так заботитесь о моей служанке... я попросила принести сюда два подноса, так что в любом случае голодной она спать не отправилась бы.

Герцог скривил губы в безрадостной ухмылке.

– Ах да, подносы.

– Что такое? Есть какие-то трудности?

– Уже нет. Я сказал кухарке, чтобы не беспокоилась насчет подносов и что вы будете обедать с нами в столовой.

– Вы со всеми гостями так обходитесь?

Он провел пальцем по ее губам. Она нахмурилась и отстранилась.

– Только с теми, которые упрямятся и ведут себя безрассудно.

Софья глубоко вдохнула и опустила глаза. Его темные мужские чары действовали безотказно. Она просто не могла сопротивляться им.

– Я всего лишь хочу провести спокойный вечер. Что же в этом безрассудного?

– Я желаю, чтобы сегодня вы провели вечер в моей компании. – Очертив рот, палец проследовал вверх по скуле.

– А поскольку вы герцог и хозяин Мидоуленда, то всегда получаете свое?

Теперь он улыбнулся уже по-настоящему.

– Я всегда получаю то, чего желаю, потому что не приемлю ничего другого.

Она облизнула губы и тут же пожалела об этом, заметив, как полыхнули желанием темные глаза под сдвинутыми бровями. И ее собственное бедное сердечко шевельнулось в ответ.

– Вы не можете принудить меня спуститься к обеду.

– Вообще-то могу, – насмешливо возразил он. – Но если вы все же предпочтете обедать у себя в комнате, я просто приду к вам.

– Да вы совсем потеряли рассудок! Вам нельзя...

– Почему это?

– Потому что... это неприлично. Будет скандал.

– Скандал коснется только вас, а я герцог. Меня здесь давно знают и уважают, и запачкать мою репутацию очень трудно. – Он помолчал. Взгляд его, скользя вниз, медленно прогулялся по шелковому, цвета янтаря платью и остановился на серебристой нижней юбке. Потом он нахмурился и, подняв руку, потянул за край шали, которой она укутала плечи. – А я и забыл, как вы любите тепло. Скажу служанке, чтобы разожгла камин, пока мы будем обедать.

Софья стиснула зубы.

– Только не притворяйтесь заботливым.

– Но мне действительно не все равно, как вы устроились в Мидоуленде. – Герцог положил руку ей на шею, погладил большим пальцем пульсирующую жилку у горла. – Я намерен сделать все возможное, чтобы угодить вам, чтобы вы не испытывали никаких неудобств.

– Просто оставьте меня в покое.

– Вы и впрямь этого хотите? – Он поймал ее взгляд. – Покоя?

– Да, – прошептала она, пытаясь обмануть и его, и себя.

Ни тот ни другая не поверили. Герцог прищурился:

– Лгунья.

– Почему вы так говорите? Что вы знаете обо мне?

– Слишком мало. Но намерен узнать больше. И уж поверьте мне, я способен разглядеть одиночество в женских глазах. Даже таких синих, как ваши.

Этого еще не хватало! Она оттолкнула его. Отвернулась.

– Не смотрите на меня так.

Герцог взял ее за плечи, но поворачивать к себе не стал.

– Разве я не прав? Разве вам не одиноко?

– Я... я скучаю по дому.

– А есть ли он у вас, мисс Софья? Настоящий дом?

Негромкие слова попали в цель, разбудив давнюю-давнюю боль, и Софья вдруг почувствовала себя совершенно одинокой, беззащитной и никому не нужной.

Стефан уже завладел ее телом – нельзя позволить, чтобы он так же завладел и ее сердцем.

– Что за вопрос? Я живу в одном из красивейших домов Санкт-Петербурга.

Он наклонился к самому ее уху:

– Есть жилище, и есть дом. Я сам лишь недавно уяснил себе эту простую истину.

Ресницы дрогнули и опустились. С его дыханием пришла и раскатилась по всему ее телу горячая волна. Рядом со Стефаном холода можно было не бояться.

– Вам неуютно в Мидоуленде? Вы несчастливы здесь?

– Меня здесь все устраивает... по большей части. Я доволен.

– Быть довольным и счастливым не одно и то же.

– Да, не одно и то же. – В его словах она уловила печальную нотку, которая странным образом отозвалась и в ее душе.

Неожиданно для себя самой она резко повернулась к нему. Боже, да что же это с ней такое? В списке тех, кто нуждался в ее сочувствии и заслуживал ее симпатии, герцог Хантли определенно значился бы последним.

Красив, богат, жесток и беспощаден, уверен в своем праве получать все, что пожелает...

Если он при этом еще и одинок, то так распорядилась не судьба. Таков его собственный выбор.

– Я так понимаю, вы не уйдете, пока я не соглашусь пообедать вместе с вами?

В его глазах мелькнуло что-то похожее на разочарование.

– Вы столь же умны, сколь и прекрасны.

– А вы, сэр, самоуверенный грубиян.

Он взял ее за подбородок.

– У вас есть четверть часа. Не спуститесь в столовую – я сочту это приглашением отобедать в вашей спальне.

* * *

Выйдя в коридор, Стефан прислонился к стене и перевел дух.

Какой же он глупец.

Вот только в чем его глупость? В том, что, разозлившись на Софью, попытавшуюся увильнуть от обеда и общения с ним, дал волю гневу, который и привел его в ее спальню? Или же в том, что, оказавшись там, не воспользовался удобным моментом?

В любом случае он снова довел себя чуть ли не до белого каления, вот только тушить пожар было уже нечем.

Он оттолкнулся от стены и, бормоча проклятия, побрел к той лестнице, где его должен был ждать Гудсон.

Дворецкий оказался на месте и, выступив бесшумно из тени, предстал перед хозяином с озабоченным выражением на старческом лице:

– Ваша светлость.

– Ну? Что?

Почувствовав настроение хозяина, Гудсон сразу перешел к сути дела:

– Подойти ближе, как я хотел, не удалось, поскольку мисс Софья оставила на лестнице свою служанку. А эта служанка, сэр, свирепа, как какой-нибудь казак.

– Да, грозная женщина, – сухо согласился герцог. Прорываясь к Софье, он встретил на своем пути неожиданное препятствие и в какой-то момент, потеряв терпение в споре с упрямой служанкой, едва не отбросил ее в сторону. – Что ты сумел увидеть?

Гудсон осторожно откашлялся.

– После того как вы спустились, сэр, мисс Софья вышла из комнаты и отправилась наверх, в апартаменты герцогини, где и оставалась до тех пор, пока означенная служанка не предупредила ее о вашем приближении, сэр.

Стефан скрипнул зубами, сдерживая порыв бессильной злобы.

Он уже не сомневался, что, предложив Брианне перебраться вместе с ней в Мидоуленд, Софья преследовала какую-то свою, наверняка гнусную цель. Он был не настолько тщеславен, чтобы полагать, будто руководило ею желание быть поближе к нему. Но что ей понадобилось?

– Мисс Софья вынесла что-нибудь из апартаментов герцогини?

Гудсон пожал плечами.

– В руках у нее ничего не было.

– Пусть обыщут комнату, пока она будет обедать.

– Да, сэр. Дворецкий уже повернулся, но герцог остановил его:

– Гудсон.

– Да, ваша светлость?

– Бенджамин нашел тех чужаков, которых поймал на моей земле?

– Нет, сэр, – разочарованно вздохнул старик. – Хозяин постоянного двора клянется, что никакие иностранцы у него уже давно не останавливались, и никто из деревенских посторонних здесь не видел.

– Пусть продолжает поиски, но расспрашивает людей осторожно. Я не хочу, чтобы они поняли, что мне известно об их присутствии.

– Хорошо, сэр.

Подождав, пока дворецкий исчезнет за поворотом лестницы, Стефан повернулся к двери, которую сам лишь недавно закрыл за собой.

Вернуться, снести с петель чертову дверь да потребовать у этой лгуны прямого ответа? Пусть признается, кто ее прислал и что ей нужно.

В отличие от Эдмонда политические интриги и интеллектуальные схватки с хитроумным противником никогда не увлекали герцога Хантли. Человек прямодушный, он того же требовал от других. Именно поэтому и король Георг, и царь Александр редко обращались к нему, когда речь шла не о практической помощи, а о коварной интриге.

И если он остался в коридоре, сжимая в бессильной злобе кулаки, то потому лишь, что знал – силой от Софьи ничего не добьешься.

– Что же вы задумали, мисс Софья? – пробормотал Стефан.

Санкт-Петербург

Втиснувшийся между кофейней и мебельным складом бордель ничем особенным не отличался от множества других подобного рода заведений, разбросанных по всему Санкт-Петербургу.

Само здание представляло собой невзрачное кирпичное сооружение, окруженное железным забором и охраняемое жуткого вида громилой, внушавшим страх даже бывалым солдатам. Посетитель попадал сначала в переднюю гостиную, вульгарно обставленную ком-

нату с тяжелыми, обтянутыми бархатом креслами и диванами и толстыми коврами на полу. Здесь клиенту предлагалось подождать, если надобная ему девица оказывалась занятой. В качестве другого варианта времяпрепровождения предлагалось испытать удачу в задней комнате, где азартные посетители садились за карточный стол. Отдельные кабинеты наверху располагали всем необходимым для удовлетворения самых непристойных капризов и извращенных желаний пресытившихся горожан.

И все же не сомнительная роскошь интерьера и не искусство опытных представительниц древнейшей профессии привлекали сюда богатых и могущественных.

Главным достоинством заведения считалась абсолютная осторожность, соблюдения которой мадам Ивонна требовала как от гостей, так и от обслуживающего персонала.

Джентльмен, переступающий порог борделя, мог быть уверен, что факт его пребывания здесь, как и его, скажем так, нетрадиционные сексуальные аппетиты, не подлежали разглашению.

Именно гарантией приватности и объяснялись те огромные, возмутительные суммы, которые запрашивала с посетителей госпожа Ивонна.

Поднимаясь по узкой лестнице, Николай Бабевич уже предвкушал встречу с Селестой, большой мастерицей по части цепей и плеток. Сладкая боль стоит дорого, но Селеста отрабатывала каждый взятый с клиента рубль.

Жаль только, что этих самых рублей было у него не так много, как хотелось бы, и именно этот факт раздражал его и злил.

Черт бы побрал княгиню Марию.

Из-за нее приходилось кланяться деньгами у вечно ноющей сестры и прятаться от кредиторов, которые категорически отказывали давать в долг даже на такую малость, как новая пара обуви.

Если бы накануне не удалось избавиться от кошелька какого-то загулявшего пруссака, то и сегодняшний визит к мадам Ивонне оказался бы под угрозой.

Толкнув плечом дверь в конце длинного сумрачного коридора, Бабевич переступил порог в полной уверенности, что увидит перед собой застывшую с хлыстом в руках Селесту.

Однако вместо Селесты его встретил высокий, седовласый, благородного вида господин, приятное лицо которого едва тронули морщины.

Сэр Чарльз Ричардс прибыл в Санкт-Петербург из Англии всего лишь несколько месяцев назад, но и за короткое время успел стать фаворитом князя Михаила, младшего брата Александра Павловича.

В глазах столичного света он был милым, обаятельным иностранцем, отличавшимся безупречными манерами и неброской элегантностью, что и подтверждали в этот вечер прилаженный черный сюртук и голубовато-серые бриджи, плохо соответствовавшие общеизвестной любви русских к пышности и цветистости.

Николай был одним из немногих, кто подозревал, что за любезной улыбкой прячется жестокая душа, способная на большое зло.

– Добрый вечер, Николай, – приветствовал гостя Ричардс, помахивая плеткой, казавшейся такой милой в ловких пальчиках Селесты и выглядевшей пугающе грозной в руке англичанина.

Облизнув пересохшие вдруг губы, Бабевич торопливо оглядел комнату с широкой кроватью, застеленной черным атласным покрывалом, и развешанными на стенах орудиями пыток. Он еще надеялся – разумеется, без малейших на то оснований, – что в темном уголке прячется Селеста или кто-то из слуг.

Как будто их присутствие могло защитить его от наполняющей воздух злобы.

– Как... – Горло сдавило, и Николай откашлялся. – Как вы сюда попали?

Поджав губы, англичанин с нескрываемой брезгливостью оглядел Николая, чье неуклюжее, коротенькое и раздутое тело помещалось в потертом сюртуке болотно-зеленого цвета и тесных коричневых бриджах.

– Пред мной немногие закрыты двери, – ответил он.

Николай сжал кулаки. Как ни пугал его проклятый чужестранец, терпеть насмешки он не собирался.

– Поздравляю. А теперь попрошу удалиться. Я пришел сюда для развлечений, закрытых для посторонних.

– С развлечениями придется подождать, – усмехнулся сэр Чарльз, помахивая плеткой. – Пока мы не закончим нашу маленькую беседу.

– Я уже сказал, что эта дрянь, княгиня Мария, отказывается платить, пока не получит доказательства. То есть не увидит письма. Что вы предлагаете делать?

– Вы знали, что княгиня отправила дочь в Англию? Точнее, в Суррей.

Николай нахмурился. Вообще-то ему было плевать и на княгиню, и на ее дочь.

– А какое мне дело?

– Во-первых, это доказывает, что в письмах есть нечто заслуживающее внимания. Нечто, что надобно скрывать. Иначе княгиня никогда не отправила бы дочь в такое путешествие.

– Подождите-ка, – проворчал Николай. – Вы же вроде бы говорили, что знаете, что там в этих письмах.

– Говард Саммервиль утверждал, что в них содержатся некие грязные секреты, поскольку письма не только написаны с использованием шифра, но герцог Хантли избил его едва ли не до смерти, когда поймал при попытке их украсть. Нужно было убедиться, действительно ли этот дурачок напал на что-то ценное или все его рассказы – пустая похвальба.

Николай стиснул зубы от злости. Получается, он рисковал жизнью только ради того, чтобы англичанин проверил свою догадку?

– Вы обманули меня?

– Я сказал то, что вам следовало знать. – Ричардс пожал плечами, показывая, что не принимает обвинения. – Теперь же присутствие дочери княгини Марии в Суррее угрожает помешать нашим планам.

– Почему?

Пугающе черные глаза сузились в холодном гневе.

– Потому что именно там письма видели в последний раз.

– Так они у нее?

– Откуда мне знать? – Ричардс швырнул плетку на кровать. – Некоторое время назад я послал своих людей обыскать дом герцога, но нахождение там мисс Софьи серьезно осложняет положение.

Николай потянул за платок, не в первый уже раз кляня себя за то, что согласился, поддавшись обещаниям сэра Чарльза Ричардса, участвовать в рискованном предприятии.

«Можно подумать, у тебя был выбор», – прошептал голос в голове.

Игра была его страстью и слабостью, и, проигравшись в пух и прах проклятому англичанину, он сам загнал себя в ловушку. Сказать по правде, предложенный план казался достаточно простым для исполнения и обещал принести кругленькую сумму. Кто бы устоял перед таким соблазном?

Теперь оставалось только клясть себя за глупость.

– Не надо было подходить к княгине, не имея на руках самих писем.

– Получить выкуп вы хотели не меньше меня. Да и кто мог подумать, что императорской шлюшке достанет духу устоять перед угрозой?

Черные глаза недобро блеснули.

– Очевидно, вы были недостаточно убедительны.

Николай вздрогнул. По спине побежали мурашки страха.

– Я сделал все так, как мы договаривались. Не моя вина, что княгиня...

– Замолчите, – оборвал его Ричардс. – Я устал от ваших оправданий.

Николай сглотнул подступивший к горлу комок.

– Ну что ж. Мы сделали ставку и проиграли.

Англичанин сделал шаг вперед. Выражение его лица не обещало ничего хорошего.

– Дело не закончено. Я намерен получить свои деньги.

– Как? Если девчонка доберется до писем, они поймут, что мы эти письма и в глаза не видели.

– У моих людей в Англии приказ не спускать с нее глаз. Если мисс Софья найдет письма, они отнимут их у нее.

– А если не найдет?

– Тогда она вернется в Россию с пустыми руками и сообщит матери, что письма пропали.

Дырок в плане было больше, чем в швейцарском сыре, но указывать на них англичанину Николай не стал. Жизнь не баловала его в настоящий момент, но и спешить на встречу со смертью, тень которой мелькала в глазах компаньона, он не намеревался.

– Так что, будем ждать?

– Нет. Нельзя допустить, чтобы княгиня заподозрила блеф, – бросил с мрачной угрозой Ричардс, и Николай порадовался, что не знает, о чем думает чужестранец. – Вы подойдете к княгине еще раз и предупредите, что каждая неделя молчания увеличивает сумму выкупа на пять тысяч рублей.

Николай осторожно отступил на шаг.

– А если она откажется?

– Будешь напоминать ей об этом каждый день. Не давать покоя. Пусть лучше беспокоится, чем думает о том, как бы нас перехитрить. – Англичанин усмехнулся: – Женщины, когда волнуются, не способны вести себя разумно.

Невеселый смех Николая прозвучал в пустой комнате призрачным эхом.

– Вы хоть раз встречались с княгиней?

– Она женщина. – Ричардс махнул рукой, показывая, что не желает принимать княгиню в расчет, и явно недооценивая ее силу воли. Глупец. – Держи ее в страхе, припугни, что потеряет своего богатенького любовника, и она согласится сделать все, чтобы сохранить то, что имеет.

– А почему именно я должен подходить к ней? – Николай решил сменить тактику. – Получается, всю опасную работу делаю я, а вы только прячетесь в тени.

Прежде чем русский успел что-то добавить, англичанин в два шага пересек комнату и схватил его за горло с такой силой, словно собирался свернуть голову.

– Вам за это платят, разве нет? – угрожающе прошипел он. – И поверьте мне, если попадете в руки ваших властей, можете считать, что легко отделались. Подведете меня – отрежу голову и брошу на съедение волкам. Вы поняли?

Кровь застыла в жилах у Николая.

– Да.

Ричардс отбросил русского к стене и, достав из кармана платок, демонстративно вытер ладони.

Вот же дрянь.

Николай выпрямился, одернул сюртук.

– Пока я буду донимать княгиню, что будете делать вы?

– Отправлюсь в Париж. Оттуда держать связь с моими людьми в Англии намного легче.

– Другими словами, вы оставляете меня одного? Чтобы меня повесили как предателя?
– А вот это, *мой дорогой*, зависит уже только от вас. Делайте то, что сказал, и мы оба разбогатеем.

Убедившись, что Николай все понял, Чарльз вышел из комнаты пыток в коридор. Этот недалекий русский мог сколько угодно проклинать его, но они оба знали: бросить открытый вызов он не посмеет.

Именно поэтому Чарльз и выбрал Николая в помощники.

А вот с княгиней он просчитался, недооценил ее упрямства и в итоге остался без денег, в которых отчаянно нуждался.

Усилием воли Чарльз отогнал рвущуюся на волю черную ярость. Ту самую, что долгие годы, еще с детства, отравляла его существование. Он, конечно, с удовольствием перерезал бы глотку этой дряни, но проблема все равно осталась бы нерешенной.

Нужны деньги. Если он хочет сохранить в тайне свой грязный маленький секрет, ему нужны деньги.

Дрожь еще дважды прошла по телу, прежде чем Чарльз полностью овладел собой. Нет, он не допустит, чтобы его разоблачил какой-то грязный холоп. Пусть даже этот холоп – Царь Нищих, Дмитрий Типов, правитель уголовного мира Санкт-Петербурга.

Проскользнув незаметно по коридору, Чарльз Ричардс вошел в комнату и посмотрел на ту, которой приказал ждать его возвращения.

Мадам Ивонна была женщиной роскошных форм, сумевшей сохранить красоту молодости, несмотря на серебряные нити в густых черных волосах и морщинки, разбежавшиеся веером от широко расставленных зеленых глаз. Сейчас на ней было бархатное платье с глубоким вырезом, предлагавшее ее прелести всеобщему обозрению и гармонизировавшее с общим декором, но только глупец оставил бы без внимания пронизательный блеск глаз за длинными ресницами.

– Спасибо, Ивонна. Премного благодарен за то, что позволили поговорить с моим помощником. – Подавив отвращение, Чарльз склонился над ее рукой, коснулся губами пальцев. Да, умна. В отличие от других женщин хозяйка борделя чувствовала тьму, что стояла за приятной внешностью и безукоризненными манерами. – Как я могу расплатиться с вами?

Она поспешно отняла руку.

– Ерунда. Вы ничего мне не должны.

– Небольшой знак признательности?

– Нет, *monsieur*. Спасибо.

– Жаль. – Чарльз скользнул по ней жадным взглядом; пряный аромат ее духов уже щекотал ноздри и волновал кровь. Давно, очень давно он не позволял себе некогда привычных маленьких радостей. Чарльз покачал головой и отступил к двери. – Впрочем, и время, и место сейчас неподходящие. Мне нужно уйти отсюда незамеченным.

Словно осознав, как близко она подошла к тому, чтобы узреть истинное лицо сэра Ричардса, Ивонна облегченно выдохнула.

– Конечно. – Она махнула рукой. – Я выведу вас через заднюю дверь.

Он поймал ее за локоть.

– Незамеченным.

– Пожалуйста, *monsieur*, я не понимаю, что вам нужно, – заныла женщина.

– Подумайте хорошенько, Ивонна.

Тиски пальцев сжались, угрожая сломать кости, и она всхлипнула.

– Есть тайный проход... из кухни в соседнюю кофейню. – Ивонна опустила голову. – Этим проходом пользовались только особы голубой крови.

Его тонкие губы дрогнули в холодной усмешке.

– Ты весьма неглупа... для шлюхи.

Глава 7

Геррик Герхардт обогнул угол, держась подальше от мерцающего газового фонаря. Непритязательный черный сюртук и бриджи – неплохая маскировка, но даже здесь, вдалеке от дворца, слишком многие могли узнать это худощавое лицо с резкими чертами и пронзительными карими глазами.

Лицо ближайшего советника Александра Павловича.

Страх, который он внушал другим, служил надежным инструментом достижения цели. Приходилось только удивляться, сколь многого позволяет достичь репутация безжалостного мерзавца.

В этот вечер, однако, он предпочел бы остаться незаметным.

Остановившись рядом с Грегором, здоровенным солдатом-пруссаком, самым верным его стражем, Геррик кивком указал на бордель, расположенный на другой стороне улицы.

– Там? – негромко спросил он по-немецки. Кругом были люди, и среди них могли оказаться любители послушать чужие разговоры.

– Там. Встречается со своей ненаглядной Селестой. – Грегор прислонился к железным перилам. На суровом, мужественном лице застыло выражение стоического терпения. Как все солдаты, он давно усвоил простую истину: любая война это, по большей части, ожидание следующего сражения. – Предсказуем.

Геррик стиснул зубы. Он уже несколько недель следил за Николаем Бабевичем, пытаясь выяснить, на кого тот работает. И пока что безрезультатно. Единственным утешением служило то, что до сих пор Бабевич так и не раскрыл никому содержание писем.

– Если он так предсказуем, то почему мы до сих пор не знаем, кто за ним стоит? – сердито проворчал он.

– А вы уверены, что этот Бабевич не действует в одиночку?

– Бабевич – жалкий трус, способный сжульничать за картонным столом или вытащить чужой кошелек, но шантажировать такую женщину, как княгиня Мария... Нет, разработать и осуществить такой план ему не достало бы ни ума, ни смелости. – Геррик пожал плечами и по привычке огляделся. От его внимания не ускользало ничто, ни одна мелочь. – Кроме того, я порылся в его прошлом и выяснил, что он никогда не бывал за пределами Петербурга. Тот, кто стоит за всем этим, должен иметь какие-то связи с Англией.

Грегор кивнул. Солдат знал, что Бабевич шантажирует княгиню, но ничего сверх этого.

– Я докладывал обо всех, с кем Бабевич встречается.

– Знаю, Грегор, но держать человека под постоянным наблюдением трудно и... – Геррик замолчал, вцепившись взглядом в высокого представительного господина, только что вышедшего из расположенной по соседству с борделем кофейни. – А вот это неожиданно.

– Что?

– Сэр Чарльз Ричардс.

– Англичанин?

– Да. И близкий друг князя Михаила.

Грегор подобрался, расслышав в голосе хозяина нотку тревоги.

– Что-то не так?

Геррик ответил не сразу. Он давно научился полагаться на чутье и сейчас прислушивался к тому, что оно говорило.

– Интересно, почему джентльмен, часто бывающий во дворце, посещает кофейню, более подходящую какому-нибудь буржуа.

Грегор нахмурился.

– Может, захотел освежиться после визита к Ивонне?

– Может быть.

– Вы, похоже, не очень в этом уверены.

Группа молодых людей прошла мимо и повернула к заведению Ивонны, и Геррик из предосторожности понизил голос. Глупцы. Им еще повезет, если выберутся отсюда целыми и невредимыми. Без надежной вооруженной охраны по темным переулкам Петербурга бродят только дураки да разбойники.

– Когда князь только познакомился с Ричардсом, я через своих знакомых в Англии навел о нем справки, – признался он, не спуская глаз с англичанина, который уже направился к поджидавшей его карете.

– И вас что-то встревожило?

Геррик сложил руки на груди.

– Большинство знающих его сходятся в том, что он именно тот, за кого себя выдает: небогатый баронет, пользуется успехом в свете, уважаемый член парламента.

– И с какой бы стати такому джентльмену бросать дом и карьеру и перебираться в чужую страну?

– Вот и я задал себе такой же вопрос.

– И что?

Наблюдая за сэром Чарльзом, Геррик обратил внимание на то, что вблизи англичанина почти нет прохожих и что люди расступаются и обходят его стороной, как будто ощущают какую-то опасность.

Странно.

– Некоторое время назад появились слухи – правда, влиятельные друзья Ричардса всячески их опровергали, – из-за которых ему пришлось-таки уехать подальше от Англии, дабы избежать скандала.

– Вынудить английского дворянина перебраться в Санкт-Петербург могла только угроза очень крупного скандала, – рассудительно заметил Грегор.

– Да. – Взгляд Геррика посуровел. Чужестранец, приносивший неприятности его городу, рассматривался им как личный враг. – На протяжении последних десяти лет в Темзе регулярно находили девиц легкого поведения с перерезанным горлом.

Грегор удивленно цокнул языком.

– Ричардс?

– Прямых доказательств не нашли, но хозяйка одного борделя охотно рассказывала всем желающим, что две из этих девиц постоянно обслуживали сэра Чарльза и что именно его видели с ними перед самой их смертью. К сожалению, свидетельства какой-то мадам недостаточно, чтобы призвать к ответу дворянина.

– Но достаточно, чтобы вызвать неприятные слухи, – пробормотал Грегор.

– Вот именно.

Пруссак сжал кулаки. До того как Геррик обратил на него внимание, он был простым солдатом, сыном мясника. Прошлого не забылось, и Грегор до сих пор питал сочувствие к людям крестьянского звания, что было по тем временам явлением весьма редким.

– А в Петербурге уже находили проституток с перерезанным горлом?

Разумеется, Геррик подумал о том же, когда только получил первые сведения из Англии.

– Нет. Но это не значит, что их здесь не убивали. – Он соорудил гримасу. – Дмитрий Типов поддерживает на своей территории железный порядок. Внимание властей ему совсем ни к чему, а значит, и от трупов, если бы они и появлялись, он избавлялся бы быстро, не оставляя следов.

Грегор только фыркнул, нисколько не удивившись, что даже человек с такими возможностями не в силах проникнуть в тайны преступного мира российской столицы.

Дмитрий Типов, Царь Нищих, сам писал законы для своего мира.

– Жаль.

– Все не так плохо. С теми, кто угрожает его влиянию, Дмитрий расправляется сам.

– Если это так, то удивительно, что сэр Чарльз до сих пор демонстрирует завидное здоровье.

Геррик задумчиво кивнул.

– Отсюда следует, что либо никаких смертей не было, либо Царь Нищих предпочитает наказывать сэра Чарльза без применения обычных пыток.

– Что вы имеете в виду?

– То, что у англичанина достаточно средств, которые позволяют ему жить в полном комфорте.

– Верно. – Не сразу, но Грегор все же проследил ход размышлений хозяина. – Ага. Вы считаете, что Дмитрий требует с него деньги?

– Думаю, что так.

Грегор повернул голову – дверь борделя открылась, выпустив клиента, получившего свою порцию утех.

– Неприятная ситуация, но ведь это проблема не сегодняшнего дня? – сказал он, убедившись, что спустившийся по ступенькам мужчина не Николай Бабевич.

– Нет, если только она не связана с нашим нынешним делом.

– Так вы думаете... – Грегор качнул головой. – Нет. Я стою здесь с того самого времени, как Бабевич вошел в заведение мадам Иванны, но Ричардса не видел. Так что встретиться они не могли.

– Но ведь ты наблюдал за передней дверью, а не за потайным проходом, который соединяет бордель с кофейней.

– Потайной проход?

Геррик улыбнулся:

– Услугами мадам Иванны пользуются весьма и весьма влиятельные господа. И, разумеется, они предпочитают, чтобы об их визитах никто не знал.

Грегор вскинул бровь:

– Тогда откуда же вы узнали об этом проходе?

– От меня скрыть что-либо трудно.

– Знай я это, не совершил бы пару глупых ошибок, – сухо заметил Грегор. – Вы и впрямь полагаете, что сэр Чарльз встречается здесь с Николаем Бабевичем?

– После стольких недель слежки за этим дурачком с единственным результатом в виде стертых ног я уже не знаю, что и думать. – Геррик разочарованно вздохнул. – И все же будет, пожалуй, полезно в ближайшие дни нанести сэру Чарльзу визит. В худшем случае можно будет судить, достаточно ли он умен и предприимчив, чтобы придумать, как и чем шантажировать княгиню Марию. – Он повернулся и похлопал спутника по плечу. – Ступай домой, Грегор. Я сам по слежу за Николаем Бабевичем.

Суррей, Англия

После очередных бесплодных поисков в библиотеке, задней гостиной и бильярдной Софья вышла в сад. Утренний туман рассеялся, и солнце уже пригревало.

Устроившись на мраморной скамейке в окружении розовых кустов, Софья подняла к небу лицо и попыталась расслабиться.

Она понимала, что впустую тратит драгоценное время. Стефан после завтрака уехал в деревню на встречу с солиситором, а Брианна отправилась в карете домой – посмотреть, как идут работы в Хиллсайде.

Все складывалось как нельзя лучше; если не считать прислуги, она осталась одна. Прекрасная возможность заняться делом.

Тем не менее Софья не спешила выполнять взятое на себя обязательство. Откровенно говоря, ей просто не хотелось этого делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.